Департамент культуры Воронежской области
АУК ВО «Историко-культурный центр
«Дворцовый комплекс Ольденбургских»

VI
ОЛЬДЕНБУРГСКИЕ ЧТЕНИЯ

Воронеж, 2021

УДК 908(470.324)
ББК 26.89(2Рос-4Вор)
О56

О56 **VI Ольденбургские чтения. Материалы краеведческих чтений** / Отв. ред. Н.А. Комолов. Воронеж: Пресс-Бургер, 2021. – 128 с., илл.

Книга представляет собой сборник докладов, прочитанных участниками VI Ольденбургских чтений, состоявшихся 8 октября 2021 г.

В сборнике представлены статьи, посвященные начальной истории имения принцессы Е.М. Ольденбургской в Рамони, управляющему И.Н. Клингену, другу великой княгини Ольги Александровны Н.Д. Семенову-Тян-Шанскому, герцогу М. Лейхтенбергскому, вдове мецената С. Морозова З.Г. Морозовой-Рейнбот, владелице усадьбы Горки.

Издание богато иллюстрировано ранее не публиковавшимися архивными документами и фотографиями.

Для читателей, интересующихся историей династии Романовых, рода Ольденбургских, поселка Рамонь.

УДК 908(470.324)
ББК 26.89(2Рос-4Вор)

© Комолов Н.А., научное редактирование, 2021
© Богданов А.А., Гарчева С.А., Голованова А.В., Ерофеева Г.И., Комолов Н.А., Снеговская Е.А. текст, иллюстрации, 2021
© Пресс-Бургер, оригинал-макет, 2021

Н.А. Комолов

Повседневная жизнь рамонского имения принцессы Е.М. Ольденбургской в ноябре 1887 – июле 1888 гг.: по данным телеграмм

«День рождения» Дворца

Спустя несколько лет после приобретения имения Рамонь Ольденбургские начали строительство роскошного дворца в псевдоготическом стиле. Церемония его освящения состоялась 8 октября 1887 г. По случаю такого радостного события поэт Алексей Апухтин прислал принцессе стихотворную телеграмму, поздравляя высокую хозяйку с новосельем.

«Вдали от Вас, но сердцем с Вами,
Бегу я скудными стихами
По телеграфу в пышный дом.
Пусть Вас, Принцесса, счастье встретит,
Пусть новый дом, как старый, светит
Гостеприимством и добром»[1].

Подробности, последовавшие за освящением, сообщает сын подрядчика Х.Э. Неслера, строившего здание, Христофор Христофорович Неслер. Его полные воспоминания были нами недавно опубликованы с любезного согласия правнучки.

Дворец принцессы Е.М. Ольденбургской. Дореволюционное фото. РГИА. Ф. 515. Оп. 87. Д. 1649. Л. 6

Дворец освящал священник Николаевской церкви отец Николай (Семенов). Он торжественно окропил «святой» водой все помещения. Затем состоялся «обильный и изысканный обед, на который были приглашены все служащие с семьями и даже с детьми». После трапезы началось вручение памятных сувениров. Х.Э. Неслер был награжден карманными золотыми швейцарскими часами с цепочкой, а его сын получил небольшой серебряный вызолоченный кубок.

Местным жителям раздавали конфеты. С открытой эстрады выступали различные цирковые артисты. Вечером в самом дворце служащих развлекал фокусник[2].

Официально открытый дворец Ольденбургских продолжал благоустраиваться и в дальнейшем. Он стал доминантой усадьбы, в которой бурлила хозяйственная жизнь. Об этом мы сейчас и поговорим.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) сохранился уникальный источник по истории рамонского имения принцессы Е.М. Ольденбургской[3]. Дело почти в 500 листов, хронологически охватывающих период с 1 ноября 1887 г. по 29 июля 1888 г. Оно представляет собой сборник копий[4] телеграмм, написанных на папиросной бумаге, и содержит переписку по вопросам реализации сахара, строительства водокачки, доделки дворца, закупки оленей, состояния медицины, приездов августейших хозяев.

Без сомнения это – малая толика от, вероятно, полностью утраченного архива рамонской вотчинной конторы. Во всяком случае, многолетняя работа в различных архивах по этой теме не позволяет надеяться, что где-либо «всплывет» другая подобная подборка телеграмм, которые были способом оперативного реагирования или доклада на текущие задачи.

Из этих чудом уцелевших документов, на многих из которых чернила просто полностью растворились, мы черпаем сведения о начальном периоде развития имения в Рамони при новой владелице через призму телеграмм управляющего Ивана Клингена, его помощника Анания Тимченко, подрядчика Христофора Неслера, врача Павла Хижина, некоторых других лиц.

«Сахарное» имение

Анализ текущей переписки за первые девять месяцев истории усадьбы при Ольденбургских позволяет очертить круг первоочередных вопросов. Больше всего внимания уделялось реализации сахара, так как это определяло благосостояние имения. Первые же те-

леграммы демонстрировали остроту момента. На московском складе принцессы Е.М. Ольденбургской не было наличных запасов, и в то же время И. Клинген 7 ноября убедительно просил управляющего Конторой Двора Ольденбургских барона Е.К. Фелейзена выслать в Рамонь 40 тысяч руб. для срочных платежей и еще 8 тысяч для уплаты неустоек. «Остановим все платежи. Всеобщий ропот. Ноябрьские деньги за сахар пойдут все [в] уплату акциза»[5].

Рамонский сахар продавался воронежским купцам Федору и Ивану Дмитриевичу Бухоновым, Ивану Николаевичу Галютвину, Филиппу Александровичу Петрову, а также торговому дому Рубинштейн в Харьков (через станцию Графская). Объем партий составлял 1500 пудов (за 450 руб.), 5000 пудов сахарного песка[6]. При условии немедленной оплаты делалась скидка[7]. Случались и различные сложности, как, например, транспортные (отказ возчиков сахара везти бочки «по случаю дождя»)[8], так и финансовые.

Неожиданные коллизии возникли в расчетах с московской конторой семьи немецких предпринимателей Вогау. Обычно телеграммы по-деловому кратки и конкретны. Но здесь впервые мы сталкиваемся с проявлением эмоций со стороны И. Клингена.

10 декабря 1887 г. А. Тимченко сообщил в контору Вогау об отправке ей более 5000 пудов сахара и просил 14 тысяч руб. перевести в Воронежское отделение Государственного банка, так как «деньги крайне нужны».

19 декабря главноуправляющий И. Клинген негодовал: «Не согласен на самовольное удержание 2000 (рублей. – *Н.К.*) платежа за сахар переводом за цемент и крайне возмущен Вашим произволом. Счет Его Высочества юридически независим от счета Ее Высочества. Прошу немедленной уплаты...». На следующий день И. Клинген сообщал барону Е.К. Фелейзену: «Все получки в обрез на срочные платежи. Вогау са-

мовольно удержал следуемые за сахар 2200 зачетом за цемент. Разрешите продать три тысячи пудов сахара. Постараюсь выручить до праздников».

Между тем контрагент, вероятно, глава семейства Максимилиан фон Вогау (1807–1890) отвечал, что из корреспонденции никакой юридической или иной разницы он не усмотрел, порядок такой практиковал и ранее и просил впредь выражаться в более приличной форме. Видимо, инцидент был далее исчерпан, так как 1 марта И. Клинген телеграфировал в контору Вогау: «Прошу выслать для дворца вагон цемента, 40 бочек портландского, остальное догрузить романским»[9].

Максимилиан фон Вогау. 1880 г.

Одновременно с сахаром решались вопросы о продаже патоки. 16 декабря 1887 г. А. Тимченко писал о ее реализации по 20 коп. За крупную партию цена, вполне естественно, снижалась. Так, 19 декабря он согласился продать в Липецк, на Мариинский завод Вогау, 5000 пудов патоки по 10 коп.[10]

Колебания цен на рынке, поиск и переговоры с крупными оптовиками определяли политику И.Н. Клингена в вопросе реализации основного товара. 25 января 1888 г. им сообщалось: «Продажного сахара [в] настоящее время не имеется». Но уже 8 марта Иван Николаевич предлагал Алексею Николаевичу Клочкову, Ивану и Федору Бухоновым, И.Н. Галютвину купить по 1000 пудов сахара за 455 руб. Купцы, видимо, откликнулись, так как через неделю товар закончился[11].

Урожай свеклы 1888 г., почти все семена которой происходили из Белого Колодца Харьковской губернии, ожидался огромный. Большой урожай И.Н. Клингена как продавца не радовал, так как это вело к снижению цены. Он опасался ее падения до 350 руб. за пуд, поэтому активно продавал сахар будущего урожая с поставкой свеклы в октябре-декабре.

Покупатели успешно сбивали оптовую цену за счет объема. 20000 пудов по 430 руб. были проданы Рубинштейну. Он же затем сторговал 30000 пудов по 395 руб. за пуд[12]. Торги за 1000 пудов с Бухоновыми шли в диапазоне 470-480 руб.

Поиск горючего и закупка техники

Для нормальной деятельности Рамонского сахарного завода, разумеется, требовалось топливо. Но с поставкой вагонов и угля происходили постоянные сложности, несмотря на наличие договора и периодически посылаемые телеграммы на станцию Марьевка Донецкой дороги. Так, в ноябре 1887 г. помощник управляющего А. Тимченко просил выслать из Донбасса 20 вагонов угля, 21 декабря – еще столько же.

5 марта 1888 г. И.Н. Клинген сообщал о «важной сделке» в Рамони, которая, вероятно, касалась доставки с Марьевского рудника 100 тысяч пудов угля. Но поскольку министр путей сообщения К.Н. Посьет не разрешил выделить требуемые для перевозки 70 вагонов, управляющий дважды информировал об этом принцессу Е.М. Ольденбургскую, прося содействия. В противном случае сахарный завод мог остаться без топлива, так как дров нет[13].

В хозяйственной переписке также звучала тема присылки из Рязани сосновых досок, из Волчанска – свекольного сошника со всеми принадлежностями[14], закупки техники.

14 мая 1888 г. И.Н. Клинген, как сейчас говорят, собирал коммерческие предложения по стоимости 10-сильного локомобиля Клейтона и молотилки, направив телеграммы на механический завод Струве в Коломну, комиссионерство «Работник» в Москву, а также в Харьков. При этом управляющий обещал заплатить только 1000 руб., на остальное просил оформить рассрочку[15]. В итоге сортировочная веялка была куплена на заводе Вильгельма Столля в Воронеже, а молотилка – на заводе Гаусмана. Правда, с работой последней начались проблемы, в связи с чем Иван Николаевич просил приехать владельца[16].

Визиты Ольденбургских

В рассматриваемый период Рамонь несколько раз посещали высокие хозяева. 22 декабря 1887 г. управляющий их Двором Е.К. Фелейзен сообщал И.Н. Клингену, что принц Петр Александрович с неким Лефрансуа и камердинером выезжают в Рамонь 25 декабря. Несмотря на то что новый дворец официально освятили еще 8 октября, гости должны были жить в свитском доме. Е. Фелейзен просил его протопить и обойтись без найма повара. На станцию Графская следовало выслать 27 лошадей.

Получив эту информацию, И.Н. Клинген тут же направил телеграммы начальнику станции, а также в село Сетунь Калужской губернии на «барский двор» охотнику Федору Васильеву. Он срочно вызывался в Рамонь, так как 27 декабря сюда ожидался принц П.А. Ольденбургский. Надо полагать, что Ф. Васильев был известен Петру Александровичу и его опыт требовался в планируемой 2 января 1888 г. волчьей охоте в Большой Приваловке. Телеграммы с приглашением поучаствовать в ней от имени принца рассылались И.А. Знаперовским[17].

Весной 1888 г. Ольденбургские опять приехали в Рамонь: принцесса Евгения Максимилиановна пробыла здесь с 9 апреля по 11 мая,

а ее неугомонный сын, колесивший ради охотничьих дел по своим знакомцам, наезжал несколько раз.

2 апреля И. Клинген, на всякий случай, предупреждал принцессу о погоде: «Три дня проливные дожди, дороги очень грязны, тепло, вода медленно убывает...». В связи с ожидаемым отбытием 7 апреля Е.М. Ольденбургской из Петербурга приказчик Андреев срочно вызывался из Ростова в Рамонь.

Между тем местные собаки поголовно заболели чумкой. Так что забот у доктора П.П. Хижина ввиду предстоящего визита резко прибавилось. Но на планы высокой хозяйки эта неприятность никак не сказалась, и Иван Клинген уведомил губернатора и начальника станции о предстоящем прибытии 9 апреля в Воронеж принцессы. При ее особе находился полковник Александр Иванович Роговской (1848–1917), с 1885 г. адъютант принца А.П. Ольденбургского, который вел переписку с должностными лицами о возможности их встречи с его женой. Она была готова принять в понедельник или вторник («как угодно») прежнего владельца Рамони Степана Игнатьевича Лепарского и губернатора А.В. Богдановича.

22 апреля принц П.А. Ольденбургский утренним поездом прибыл на станцию Графская, а 30 апреля вечерним составом отправился в Москву.

Утром 28 апреля приехал и Александр Петрович. Интересно, что в этот же день И. Клинген сообщал начальнику Графской: «Для Рамони поступит вагон балконного литья» и просил отправить его в Воронеж. Пока трудно сказать, является ли это важное событие в истории строительства дворца совпадением или прямым результатом пребывания на тот момент принцессы.

Отправка балконов через Воронеж, а также семян и стройматериалов объяснялась тем, что к 19 марта был разобран мост через реку

Воронеж. Между тем на 3 мая Ольденбургские запланировали поездку на пароходе, для чего приглашали составить им компанию управляющего железной дорогой Виктора Андреевича Мясоедова-Иванова (1841–1911). У последнего И.Н. Клинген запросил сведения о ширине прохода между сваями моста.

В день поездки на пароходе в 12 часов Евгения Максимилиановна и Александр Петрович обещали прием управляющему палатой государственных имуществ Воронежской губернии Михаилу Александровичу Соловцову, управляющему Воронежской казенной палатой Григорию Станиславовичу Вашкевичу и другим знатным лицам. Без сомнения, они также должны были увидеть рамонские красоты с борта судна.

5 мая вновь прибыл принц П.А. Ольденбургский. 8 мая вечерним поездом в Москву в спальном купе уехали Его Высочество, предположительно принц Александр Петрович и барон, вероятно, Е.К. Фелейзен. Принцесса Евгения Максимилиановна 11 мая выехала вечерним поездом в Москву в спальном вагоне[18].

И.Н. Клинген, разумеется, не забывал поздравлять всех членов семьи Ольденбургских с праздничными датами. Им были на-

Принцесса Е.М. Ольденбургская. 1893 г. ГАРФ. Ф. 1020. Оп. 1. Д. 4. Л. 1

правлены соответствующие телеграммы по случаю дня рождения принца Петра Александровича 9 ноября 1887 г., принцессы Евгении Максимилиановны 20 марта 1888 г., Александра Петровича 21 мая 1888 г.[19] 29 июня последовала телеграмма от управляющего в связи с тезоименитством П.А. Ольденбургского: «Я и все служащие поздравляем Ваши Высочества с семейным праздником, Его Высочество днем Ангела и желаем ему от всей души всего хорошего».

25 декабря 1887 г. И.Н. Клинген от имени администрации имения направил телеграмму с поздравлением августейшей семьи с Рождеством и наступающим Новым годом, желал здоровья, удачи и душевного покоя.

«Генеральный подрядчик»

В указанный период продолжилась деятельность главного строителя дворца Христофора Неслера. Он жил в Рамони и взаимодействовал с различными подрядчиками.

К сожалению, почти все телеграммы Х. Неслера, подшитые в деле, размыты, читаются с трудом. А на некоторых чернила вообще растворились. Х. Неслер был не очень грамотен, писал с ошибками.

Переписка Христофора Эдуардовича посвящена различным общестроительным работам, отделке камнем, облицовке. Он писал в Воронеж к разным лицам о присылке заклепок, столбов, стройматериалов, полотеров, мозаика, в Петербург – Иванову (об изготовлении душа и присылке для бака муфты), Денкау (о присылке наличников), архитектору Ф. Миллеру («относительно денег», а также о присылке изразцов производства фабрики М.В. Харламова).

Как минимум, дважды Х. Неслер в этот период наведывался в Петербург. В ноябре 1887 г. он отказывался приехать из Воронежа в Рамонь, ссылаясь на срочную работу в столице. Повторно он уехал туда

7 января 1888 г. и надеялся быть там до февраля. Среди прочего Х. Неслер рассчитывал на встречу с архитектором Ф. Миллером, который не отвечал на его письма. От него требовалось поставить подпись на документе, позволявшем расплатиться с подрядчиками строительства дворца. Возможно, следствием этой поездки и стал приезд архитектора в Рамонь в конце февраля.

Регулярно Х. Неслер переписывался с чугуно-литейным заводом Гаусмана по поводу изготовления и установки бака.

5 января 1888 г. он впервые просил сообщить, в какой стадии находится эта работа. 13 февраля за деньгами (вероятно, предоплатой) можно было ехать в Рамонь[20]. Спустя два с половиной месяца, 25 марта, Х. Неслер просил сделать бак к апрелю. Заказ был изготовлен, но по каким-то причинам, не отраженным в телеграммах, рабочие для его установки в имение не присылались. 1 мая Х. Неслер опять интересовался о сроках их прибытия. В другой раз подрядчик просил Гаусмана прислать трубки для звонков.

Особый интерес представляют телеграммы, связанные с продолжением отделки дворца цокольным камнем. В марте 1888 г. Х. Неслер просил срочно

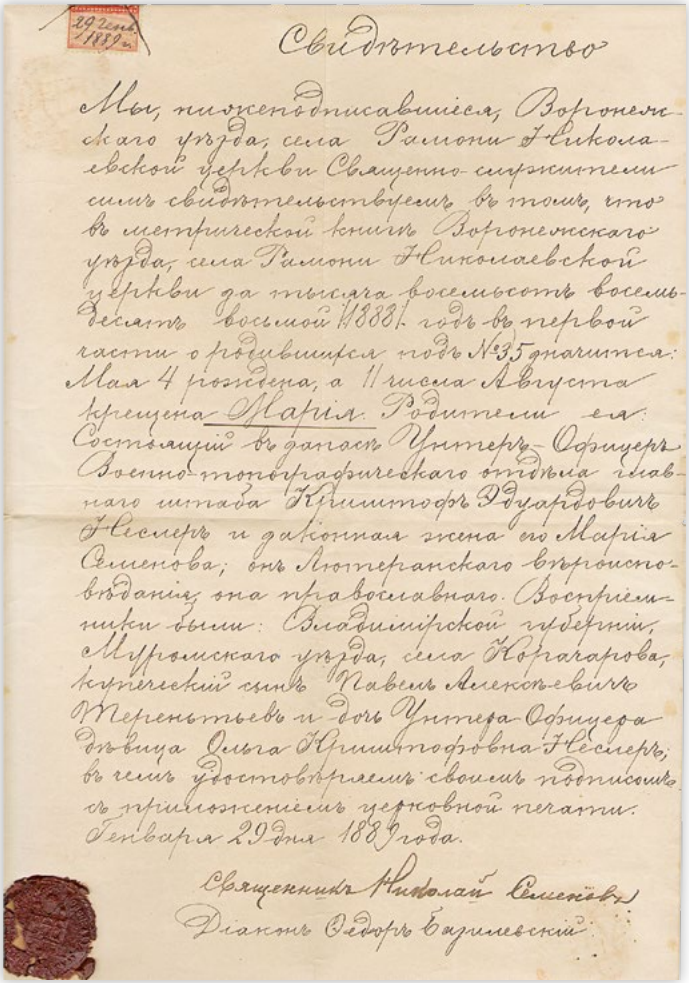
Х.Э. Неслер. 1910 г.
Фото из архива В.Г. Неслер

прислать из Воронежа четырех столяров и одного-двух штукатуров, двух маляров, каменотесов, двух каменщиков, а затем доставить заказанные камни для ступеней.

К началу июля обещанные рабочие так и не прибыли, мало привезли и камня, которого требовалось до 100 аршин. Х. Неслер угрожал подрядчику, что наймет рабочих на его счет[21]. Как дальше развивались эти события, почему произошла задержка, мы не знаем, так как на этом телеграммы заканчиваются.

Х. Неслер продолжал жить в имении Рамонь еще в 1890 г., занимаясь завершением работ по строительству и отделке дворца.

Семья Х.Э. Неслера в Рамони. Фото из архива В.Г. Неслер



Свидетельство

Мы, нижеподписавшіеся, Воронежскаго уѣзда, села Рамони Николаевской церкви Священно-служители симъ свидѣтельствуемъ въ томъ, что въ метрической книгѣ Воронежскаго уѣзда, села Рамони Николаевской церкви за тысяча восемьсотъ восемьдесятъ восьмой (1888) годъ въ первой части о родившихся подъ №35 значится: Мая 4 рождена, а 11 числа Августа крещена Марія. Родители ея: Состоящій въ запасѣ Унтеръ-Офицеръ Военно-топографическаго отдѣленія главнаго штаба Христофоръ Едуардовичъ Неслеръ и законная жена его Марія Семенова; онъ Лютеранскаго вѣроисповѣданія, она православнаго. Воспріемники были: Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда, села Корогарова, купеческій сынъ Павелъ Алексѣевичъ Жеребцовъ и дочь Унтеръ-Офицера Едуарда Христофорова Неслеръ, въ чемъ удостовѣряемъ своею подписью и приложеніемъ церковной печати. Февраля 29 дня 1889 года.

Священникъ Николай Семеновъ
Діаконъ Осодоръ Барановскій.

Свидетельство о рождении 4 мая 1888 г. Марии Христофоровны Неслер. 1889 г. Фото из архива В.Г. Неслер

Оформление имений

В рассматриваемый период принцесса продолжала расширять свое имение и покупать окрестные земли. Оформлял купчие воронежский нотариус Алексей Николаевич Нестеров. Купленные земли он фиксировал в межевой книге.

22 декабря 1887 г. И.Н. Клинген сообщал Е.К. Фелейзену, что был в Воронеже и заканчивал купчии Толмачевой. 2 апреля 1888 г. управляющий просил нотариуса подготовить сделку «по домашнему условию», когда он 4-го числа приедет совершать купчую с Даниловыми, Хибиным, Буяновым, всего приобретя до 200 десятин земли[22]. Покупка имения у Гринева обошлась Ольденбургским в 60 тыс. руб.

В связи с отъездом в Петербург И. Клинген оформил доверенность на своего помощника Анания Никифоровича Тимченко на право совершить купчую с Устиновым.

Деньги, необходимые для совершения сделки, управляющий Конторой Двора Ольденбургских барон Е.К. Фелейзен переводил в Государственный банк.

Дела лечебные

Стимул развитию медицины в Рамони придавала деятельность принца А.П. Ольденбургского, связанная с лечением бешенства. Как известно, в Петербурге при ветеринарном лазарете лейб-гвардии Конного полка по инициативе Александра Петровича в 1886 г. была открыта «Станция предупредительного лечения водобоязни по способу Пастера», которая содержалась на личные средства принца. Сюда присылались заболевшие.

Так, 9 ноября 1887 г. из Рамони был отправлен кордонщик Ларин, укушенный бешеной собакой[23]. Телеграммой от 21 ноября доктор

Группа крестьян Смоленской губернии,
искусанных бешеным волком на лечении у Луи Пастера. Париж. 1886 г.

П.П. Хижин просил А.П. Ольденбургского разрешения уничтожить всех находившихся под его наблюдением щенков от укусившей Ларина бешеной собаки, так как привитые от нее кролики заболели. В итоге было перебито 11 собак.

На этом неприятности не закончились. В аптеке и кабинете лечебницы произошли два пожара. Они были быстро потушены и не причинили никакого вреда, но, тем не менее, П. Хижин, подозревая поджог, «умолял» принца разрешить судебное следствие.

Александр Петрович дал добро, хотя А. Тимченко отнесся к этому скептически, сообщал И.Н. Клингену, что некоторые (намекая на П. Хижина) больше делают «из мухи слона». Правда, он все-таки поставил к лечебнице сторожей до завершения разбирательства.

Помощник не ошибся в своей иронии. 8 декабря 1887 г. И. Клинген также извещал принцессу: «все благополучно, больничная история (поджог. – *Н.К.*) маловажна».

Отсутствие ответных телеграмм Ольденбургских и более подробных писем не позволяют судить о мотивах некоторых распоряжений. Например, такой телеграммы Евгении Максимилиановны И.Н. Клингену от 22 декабря 1887 г.: «Немедленно уволить из лечебницы сестру Марию и фельдшера Келина, служителя Коротких ни в каком случае не увольнять». Возможно, речь шла о служебном проступке.

Фельдшер уехал уже на следующий день, медсестра должна была выехать 1 января. Намекая на П. Хижина, И. Клинген в ответной телеграмме добавлял: «...меня осаждают запросами, как поступить, из компетентного источника...»[24].

Сам Павел Павлович еще 24 декабря 1887 г. направил принцессе и Их Высочествам от рамонской лечебницы и себя лично «почтительнейшее поздравление и сердечные пожелания здоровья и счастья». Это было традиционное рождественское послание, которое, конечно, не могло повлиять на принятые Евгенией кадровые решения.

17 января 1888 г. П. Хижин писал в Москву Маттисену с просьбой ускорить присылку в лечебницу медикаментов[25], а 29-го числа И. Клинген пообещал привести принцессе в Петербург необходимые указания доктора при планировке больницы. К слову, в столице управляющий останавливался в гостиницах «Европейская» или «Центральная» на Невском проспекте.

Вскоре в Рамони вспыхнула очередная эпидемия. 18 февраля учитель Ф.Г. Морейский писал Ивану Николаевичу: «В школе открылась сильная корь. По совету Хижина занятия прекращены до 14 марта». Доктор также просил И.Н. Клингена разрешения распустить учебное заведение на месяц в связи с болезнью восьми учеников, а помещение

обещал продезинфицировать. 22 февраля П. Хижин информировал принцессу: «Больных корью много в селе, в усадьбе – пять, эпидемия доброкачественная. Рад присылке помощников. Для больных всего довольно». Эпидемию удалось прекратить, занятия возобновились, а 11 мая на экзамене в рамонской школе, в день своего отъезда, обещала присутствовать сама Евгения Ольденбургская[26].

Летом на имение обрушилась другая напасть – скарлатина. 17 июля 1888 г. П. Хижин сообщал принцессе, что новых заболеваний с 5 июля нет, охотники выселяются во временные шалаши, построенные возле Копейкиной избы. Дом с их вещами и одеждой подлежал дезинфекции, а шалаши по минованию надобности доктор предполагал сжечь[27].

«Живой груз»

Отдельным значимым вопросом начальной истории имения при Ольденбургских был вопрос доставки оленей из Осетии[28].

18 ноября 1887 г. И. Клинген телеграфировал управляющему железной дороги В.А. Мясоедову-Иванову с просьбой походатайствовать по поручению принца А.П. Ольденбургского о выдаче вагонов прямого сообщения со станции Беслан Владикавказской железной дороги до Графской для перевозки 16 диких оленей. Сопровождал их конвойный черкес Бикузаров (Бекузаров). Разрешение на выдачу вагонов было получено.

Управляющий железной дороги В.А. Мясоедов-Иванов в 1904 г.

Заменявший управляющего А. Тимченко после прибытия животных перестраховался и телеграммой просил воронежского губернского ветеринарного врача Ивана Александровича Сербинова срочно приехать ночным поездом в Графскую, добраться на лошадях в Рамонь и осмотреть оленей. Правда, к счастью для ветеринара, вскоре последовал отбой: «С оленями все улажено, прошу не беспокоиться приездом».

8 декабря И. Клинген сообщал принцессе Е.М. Ольденбургской, что Бекузаров привез 16 оленей в «отличном порядке».

Впоследствии в 1888 г. ветеринарный врач И.А. Сербинов не раз вызывался в Рамонь для осмотра больных оленей, а также «подозрительных» лошадей и из-за серьезной болезни лошади Его Высочества.

Их поиском и закупкой, по всей видимости, занимался приказчик имения Рамонь Андреев. Ему А. Тимченко посылал строгие телеграммы в Екатеринодар и слободу Талы Богучарского уезда с предписанием немедленно сообщить: «...где и что делаете»[29]. Сопровождавший принцессу полковник А.И. Роговской также занимался поиском достойных лошадей. Так, 2 мая он обещал купцу Митрофану Константиновичу Веретенникову посмотреть имеющиеся у него несколько пар, «в особенности рыжих».

Была поставка и дополнительной партии оленей. 1 мая 1888 г. И. Клинген просил начальника станции Графская Ташкевича остановить железнодорожное движение на время следования в Воронеж (вероятно, в Рамонь) лошадей и оленей. О последних 15 февраля 1888 г. А. Тимченко писал управляющему: «Олени сильно худеют, разрешите давать овес, какое количество».

Краткие итоги

Как видим, у И. Клингена был огромный круг дел, решая которые он показал себя деятельным главноуправляющим: реализация саха-

ра, покупка дров, антрацита, организация визитов, перевозка оленей, оформление купленных земель и др. Он вникал в такие текущие проблемы, как уничтожение кабанами «вконец» лугов и «беспокойство» туров, ремонт нового насоса колодца, что требовало остановки водокачки, высылка для дворца шести прочных людских односпальных кроватей, устранение последствий разных пожаров (флигеля, горевшего в июле 1888 г., дома кассира столярной мастерской), даже спаривание породистых собак[30]. И, конечно, необходимо было решать кадровые вопросы. Так, в конце 1887 г. был сделан запрос в Брянск, на станцию Мальцевская Воронкову с предложением занять вакансию бухгалтера в имении Рамонь с жалованьем 1200 руб.[31]

Даже беглый обзор сохранившейся переписки показывает весь спектр основных вопросов, решаемых рамонской администрацией, которая предстает весьма энергичной и эффективной, так как от результатов зависело благосостояние и благополучие высочайших хозяев – Ольденбургских.

Повседневная жизнь рамонского имения в последующие годы пребывания здесь принцессы Е.М. Ольденбургской еще ждет своего исследования.

Источники и литература

[1] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 120. Л. 21.

[2] Воспоминания Христофора Христофоровича Неслера: Лизиновка, Рамонь, Воронеж, Москва, Бобруйск / Публикация, предисловие и комментарии Н.А. Комолова и Ю.А. Матвеевой // Воронежский краеведческий вестник / Ред.-сост.: Л.Ю. Акиньшина, О.Б. Калинина, Б.А. Фирсов. Вып. 20. Воронеж, 2020. С. 174-185.

[3] ОР РНБ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 109. Далее ссылки на это дело.

[4] Единственная подлинная телеграмма от 17 августа 1887 г. адресована из Конторы Ее Высочества в Рамонь Селиванову: «Телеграфируй, почему не приехал вчера, беспокоюсь, здоров ли» (Л. 486).

[5] Там же. Л. 5, 7.
[6] Там же. Л. 33, 40.
[7] Там же. Л. 8, 17, 89-90, 92.
[8] Там же. Л. 49
[9] Там же. Л. 73, 87, 88, 98, 129, 177.
[10] Там же. Л. 78-79, 86, 125.
[11] Там же. Л. 141, 186, 187-189, 206.
[12] Там же. Л. 248, 261, 278, 280, 356, 358, 365, 444, 454.
[13] Там же. Л. 31, 93, 180, 182, 194, 199.
[14] Там же. Л. 184, 200, 279, 314.
[15] Там же. Л. 330-332, 451-452.
[16] Там же. Л. 446, 447, 467.
[17] Там же. Л. 97, 99, 101, 107, 111-113.
[18] Там же. Л. 210, 214, 262, 266-268, 270-274, 282, 286, 289, 291, 293, 295-297, 299, 305, 306, 313, 321-322, 325, 326.
[19] Там же. Л. 10, 102, 105, 216, 338, 396.
[20] Там же. Л. 147, 160.
[21] Там же. Л. 3, 6, 12, 15, 76, 84, 121-123, 134, 176, 197, 207-209, 220, 226, 233-235, 242-246, 281, 303, 310, 351, 397, 399, 411, 480, 481, 483.
[22] Там же. Л. 9, 19, 21, 40, 99, 148, 264.
[23] Там же. Л. 9, 28, 32, 33, 37, 67. Ранее, 18 сентября 1887 г., в рамонской лечебнице умер венгр Иосиф Йелен, его бумаги, вещи и деньги были отосланы в Воронежское полицейское управление. 30 апреля 1888 г. полковник А.И. Роговской писал в Коротоякскую земскую управу о приглашении Его Высочества немедленно отправить укушенного в Петербург, в конногвардейские казармы.
[24] Там же. Л. 96, 100, 301.
[25] Там же. Л. 133, 143.
[26] Там же. Л. 168, 169, 173, 323.
[27] Там же. Л. 432.
[28] Там же. Л. 16, 18, 23, 38, 61, 62, 67, 163, 171, 183, 236, 307, 344, 394.
[29] Там же. Л. 219, 223, 252.
[30] И.Н. Клинген писал в Беловодск полковнику Чебышову 27 января 1888 г.: «Согласно желания Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургского прошу разрешить поблюсти (повязать. – *Н.К.*) суку Тимченко». Л. 142.
[31] Там же. Л. 114, 117-118, 135, 159, 423-424, 474, 476.

Г.И. Ерофеева

И.Н. Клинген – главноуправляющий Брасовским и Дерюгинским имениями великого князя Михаила Александровича

«Завет мой – стремитесь
прежде всего и больше всего к знанию,
образованию и взаимопомощи».

Проблема сохранения исторического наследия традиционно не утрачивает сегодня свою актуальность. Хранителями исторической памяти являются не только письменные источники, но и предметы искусства, архитектурные памятники, садово-парковые ландшафты. Одним из феноменов русской культуры остаются дворянские усадьбы, которые во все времена были своеобразным зеркалом эпохи, отражением культуры страны: от парадных резиденций представителей элиты до наполненных символами и знаками усадеб Серебряного века.

Разные финансовые возможности, культурные, эстетические предпочтения даже в пределах одного сословия – дворянства предопределяли возникновение дворянских усадеб различного типа: от небольших провинциальных для среднепоместного дворянства до парадных.

Особое место в типологии русских усадеб занимают высокодоходные усадьбы-экономии, одной из которых являлось Брасовское имение дворян Апраксиных (далее – великих князей Георгия и Михаила

Александровичей). Фондом «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» был разработан национальный туристический проект «Императорский маршрут». Брасовское имение стало одним из пунктов на карте данного маршрута.

Пореформенный период в России ознаменовался бурным развитием культуры и отечественной науки, которая стала играть все большую роль во всех сферах государства, включая и усадебный мир.

Родовитым владельцам богатых поместий был открыт доступ к самым последним достижениям в области науки, сельского хозяйства, промышленности. Они знакомились с передовыми идеями экономически выгодного содержания владений. Такие усадьбы оказывали влияние на развитие близлежащих имений, помещики которых, посещая влиятельных соседей, могли ознакомиться со всеми новинками. Опыт современного ведения хозяйства зачастую распространялся на весь уезд, а в отдельных случаях, как это было с Брасовским имением, на всю губернию. Не случайно в сельскохозяйственной, статистической, экономической литературе тех лет очень часто поднимался вопрос о важности примера помещичьих усадеб как образцовых хозяйств. Приведем ряд выдержек: «В разных местностях России имеются хозяйства, выдающиеся в том или другом отношении. <...> Несомненно, такие хозяйства всегда и везде в значительной степени способствуют развитию и улучшению целой окрестности, наглядно указывая, в каком направлении и какими мерами может быть оно улучшено»[1]. Корреспондент земства Орловской губернии, сельский учитель, отмечал: «Соседство хорошо устроенных помещичьих хозяйств поучительно действует на крестьян. Так, например, в нашей местности, где имеются уже образцовые хозяйства, крестьяне уже значительно лучше стали обрабатывать землю, поднимая вовремя взмет и пар, вовремя сеют и заделывают семена; обраща-

ют внимание на качество семян для посева, покупая их или обменивая у помещика; заводят хороший скот, улучшают луга, разрывая на них кочки, и т. д. В селе этом видно близкое знакомство с правильным хозяйством, а что отраднее, так это то, что крестьяне взялись за улучшение без посторонней инициативы, видя только у соседнего помещика положительный успех образцового хозяйства»[2].

К концу XIX столетия поместье Брасово превратилось в образец доходной экономии. Брасовское имение являлось также хорошей практической базой для апробирования, а в последующем внедрения передовых методов ведения лесного и сельского хозяйства. Большая заслуга в этом, несомненно, принадлежит и служащим имения, многие из которых были настоящими знатоками своего дела. В поместье работали: общественный деятель, сенатор Н.П. Лавриновский (главноуправляющий в 1887-1907 гг.), российский ученый и агроном И.Н. Клинген (главноуправляющий в 1907-1913 гг.), кандидат сельского хозяйства, действительный статский советник В.Т. Шацкий (главноуправляющий в 1913-1916 гг.), новозыбковский уездный предводитель дворянства С.Н. Розенбах (главноуправляющий в 1916-1917 гг.), ученый лесовод В.С. Долгополов (заведующий лесами Брасовского и Дерюгинского лесничеств), пчеловод И.И. Евдокимов (автор ряда научных публикаций по пчеловодству) и др. Поэтому представляет интерес изучение материалов, касающихся биографии служащих Брасовского и Дерюгинского владений, в том числе периода их пребывания в означенных имениях (Дерюгино было присоединено к Брасовскому поместью при великом князе Михаиле Александровиче).

Особенного внимания заслуживает личность главноуправляющего, должность которого с 1907 по 1913 гг. занимал И.Н. Клинген – выдающийся российский ученый, агроном, специалист по субтропическим

И.Н. Клинген.
Семейный архив И.Е. Клингена

культурам, действительный член Русского географического общества. Он внес значительный научно-практический вклад в развитие методов травосеяния, ратовал за внедрение в севооборот бобовых растений.

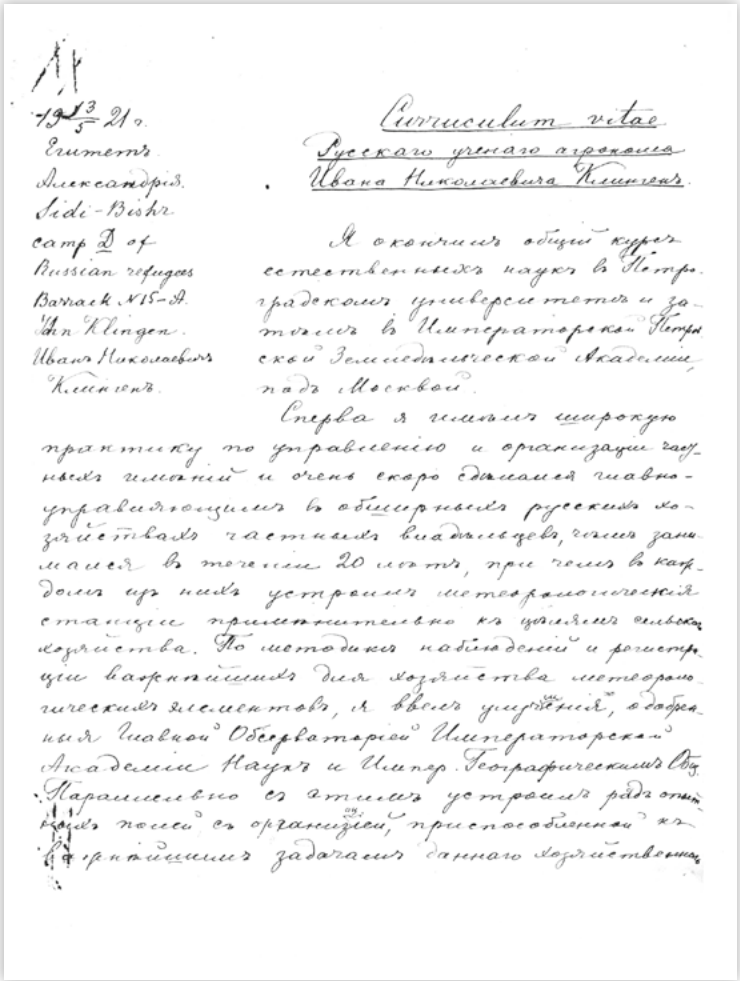
Иван Николаевич Клинген родился 6 июня 1851 г. в деревне Стрикино, сельцо Прилепы, Белевского уезда Тульской губернии. Согласно метрической записи, был крещен 10 июня 1851 г. в Сергиевской церкви села Комарева[3]. Богослужение до 1841 г. осуществлялось в приделе, носившем имя Сергия Радонежского, а после – в главном алтаре во имя святой Троицы, поэтому церковь именовалась сначала Сергиевской, а потом Троицкой. Родители: отец — отставной капитан артиллерии Николай Густавович Клинген, мать — Александра Ивановна, урожденная Денкоглу. В 1869 г. Иван Николаевич окончил с серебряной медалью 4-ю Московскую гимназию, далее поступил в Императорский Московский университет. В 1870 г. И. Клинген подал прошение на перевод в Санкт-Петербургский Императорский университет (физико-математический факультет, отделение естественных наук). Далее студент 2-го курса И.Н. Клинген переходит

в Петровскую земледельческую и лесную академию. В сопроводительном письме ректора Санкт-Петербургского университета дается следующая его характеристика: «...поведения был весьма хорошего, ни в чем предосудительном замечен не был».

В 1876 г. И.Н. Клинген закончил академию. Согласно учебным планам образовательных учреждений сельскохозяйственной направленности, студенты по окончании полного курса помимо теоретического экзамена должны были проходить практику в частных хозяйствах. Таким образом, выпускники имели возможность полученные теоретические знания отработать на практике и в том числе ознакомиться с передовыми методами ведения хозяйства в экономии. Для прохождения практики Иван Николаевич едет в имение Белый Колодезь дворян Скалонов, агрономом означенного имения был П.С. Осинский – выпускник Горы-Горецкого земледельческого института. Здесь и состоялось знакомство Ивана Николаевича со своей будущей супругой Е.П. Осинской, дочерью Павла Семеновича.

Е.П. Клинген (урожденная Осинская). Семейный архив И.Е. Клингена

Пчеловод А. Левицкий в статье «Памяти старого петровца – И.Н. Клингена» писал: «И.Н. Клинген был ее [академии] типичным



Curriculum vitae
Русскаго ученаго агронома
Ивана Николаевича Клингена.

1913/5 21 г.
Египетъ
Александрія.
Sidi-Bishr
camp D of
Russian refugees
Barrack №15-A.
Jan Klingen.
Иванъ Николаевичъ
Клингенъ.

Я окончилъ общій курсъ естественныхъ наукъ въ Петроградскомъ университетѣ и затѣмъ въ Императорской Петровской Земледѣльческой Академіи подъ Москвой.

Сперва я имѣлъ широкую практику по управленію и организаціи сахарныхъ имѣній и очень скоро сдѣлался главноуправляющимъ въ обширныхъ русскихъ хозяйствахъ частныхъ владѣльцевъ, гдѣ я занимался въ теченіи 20 лѣтъ, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ устроилъ метеорологическія станціи примѣнительно къ условіямъ сельскаго хозяйства. По методикѣ наблюденій и регистраціи важнѣйшихъ для хозяйства метеорологическихъ элементовъ, я велъ переписку, одобренную главной Обсерваторіей Императорской Академіи Наукъ и Имп. Географическимъ Об-вомъ. Параллельно съ этими устроилъ рядъ опытныхъ полей съ организаціей, приспособленной къ [illegible] задачамъ даннаго хозяйства.

Curriculum vitae русского ученого агронома И.Н. Клингена. Семейный архив И.Е. Клингена. Публикуется впервые

представителем и не порвал с ней до самого конца своих дней, бережно храня и культивируя ее лучшие заветы и традиции»[4]. В 1878 г. И.Н. Клинген защитил кандидатскую диссертацию.

Он имел достаточный опыт в управлении частных экономий. Незадолго до смерти Иван Николаевич, находясь в лагере для перемещенных лиц в Египте, напишет curriculum vitae, что в переводе с латинского означает «жизнеописание», где достаточно полно осветит свою научную деятельность. Документ датирован 1921 годом. Обратимся к словам И.Н. Клингена: «Сперва я имел широкую практику по управлению и организации частных имений и очень скоро сделался главноуправляющим в обширных русских хозяйствах частных владельцев, чем занимался в течение 20 лет, причем в каждом из них устроил метеорологические станции применительно к целям сельского хозяйства»[5]. С 1883-го по 1885 г. Иван Николаевич – управляющий в имении Скалонов Белый Колодезь Харьковской губернии[6]. В экономии действовал сахарный завод. В качестве сырья использовали свеклу, поэтому большое внимание уделяли посадкам данной культуры. Для того чтобы повысить урожайность свеклы, И.Н. Клинген внедряет в хозяйство экономии сельскохозяйственные орудия собственной конструкции: комбинированную свекловичную сеялку с одновременным внесением удобрений при посадке корнеплодов, каток для лучшего сохранения влаги в почве и др. Также И. Клинген проводил исследования по отбору корнеплодов свеклы с наибольшим содержанием сахара.

Иван Николаевич считал, что древесная растительность способна задерживать влагу и уменьшать испарение, что очень важно для лесостепных и степных районов. Кроме этого лесные насаждения уменьшают силу ветра, вследствие чего не происходит иссушение почвы (в дальнейшем эта гипотеза получила научное подтвержде-

ние).Таким образом, своевременное проведение лесокультурных агротехнических приемов позволяет не только повысить плодородие почвы, но и уменьшить зависимость от погодных условий. В имении Белый Колодезь И. Клингеном была организована сеть дождемерных станций, так как поместье находилось на границе лесостепной и степной зон. Показания записывались и обрабатывались. Дождемеры были установлены не только на хуторах имения, но и в полях. Также в имении И. Клингеном было организовано и опытное поле. В публикации «Отчет о работах, произведенных на Белоколодезском опытном поле» он более подробно осветил данную тему.

С января по октябрь 1886 г. И.Н. Клинген – управляющий в имении Корсунь князя Н.П. Лопухина-Демидова в Киевской губернии[7], а далее до весны 1892 г. – управляющий в имении Рамонь принцессы Е.М. Ольденбургской в Воронежской губернии. Приведем выдержку из географического описания, подготовленного под общим руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского, известного географа, путешественника, статистика, видного общественного деятеля. «При с. Рамони находится замечательное имение принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, площадью до 6 тыс. десятин. <...> При имении находится образцово устроенная больница и школа, <...> образцовые конюшни, конный завод и метеорологическая станция»[8].

Одной из наиболее прибыльных статей доходов, получаемых владельцами поместий, являлось производство сахара. В рамонском имении действовал свеклосахарный завод, сахар получали высокого качества. В одной из телеграмм на имя Евгении Максимилиановны Ольденбургской И.Н. Клинген сообщал, что рамонский сахар премирован Большой серебряной медалью.

Большое внимание в рамонском имении уделялось сельскому хозяйству. В путеводителе В.П. Семенова читаем: «В имении принят 8-польный севооборот, есть образцовый скот и опытное поле» Несомненно, что И.Н. Клинген принимал самое живое участие в организации опытного поля и метеостанции. Также И. Клингеном была организована дождемерная сеть (порядка 20 дождемеров).

1891-1892 гг. – это время страшного неурожая, охватившего основную часть Черноземья и Среднего Поволжья (17 губерний). Голод в России сыграл огромную роль в ухудшении экономической ситуации в стране и в первую очередь ударил по крестьянским хозяйствам. Воронежская губерния стала не исключением. Одной из причин неурожаев Иван Николаевич Клинген видел в неправильной обработке почвы, вследствие чего происходило истощение земли. Об этом достаточно полно и со знанием дела написано в его докладе «Роль женщины как образованной сельской хозяйки в обновлении русской деревни». Обратимся к нему: «С точки зрения естественно-исторических условий климата и почвы это не случайность, что пострадавшими оказались именно наиболее хлебородные районы <...> все, что можно распахать–распахано, почва давно испепелилась и потеряла свои животворные свойства. <...> Дикая, варварская культура последних 40 лет, в особенности там, где был полный простор к распашке, <...> вместе с тем сделала амплитуду по отдельным годам – слишком широкой и даже угрожающей. Как будто какой-то злой волшебник со всей натуры дернул за самую чувствительную струну народно-экономической лиры, и она вдруг глухо и трепетно застонала. Появились голодовки»[9].

Нужно отметить, что в большинстве губерний крестьяне находились в крайне бедственном положении. Огромное число их являлось малоземельными. В руках помещиков сосредоточивались лучшие

земли с более удобным, чем у крестьян, составом угодий. Наличие отрезков, чересполосность с надельными землями сильно затрудняли ведение крестьянского хозяйства. Уборка урожая производилась косами и серпами. В большинстве хозяйств Воронежской губернии вплоть до конца XIX в. сохранялась «дедовская» трехпольная система земледелия. Помещики продолжали использовать полукрепостнические методы эксплуатации, практиковалась сдача земли крестьянам в аренду «исполу».

Работая в разных губерниях страны, Иван Николаевич знал ситуацию, что называется, на местах. Из доклада И.Н. Клингена: «Между тем, крестьянские наделы остались те же, а население за последние 40 лет почти удвоилось <...> крестьяне приспосабливаются со своей скотиной к питанию впроголодь и на зиму впадают в зимнею спячку <...> старая культура помещиков, стоившая им и государству огромных затрат и жертв тает и разрушается, вытесняясь крестьянской убогой и варварской обработкой». Не оставляют равнодушными следующие строки доклада: «40 лет подряд, несмотря на «Великую реформу», мы непрерывно опускались в яму разорения и бедствия. В огромном большинстве случаев, за исключением лишь нескольких деятельных земских центров, положение у крестьян не только не улучшилось, но даже ухудшилось в целых губерниях. <...> Все та же у нас, как и прежде, несчастная трехполка, но только еще более выпаханная и захудалая, все та же матушка «соха-Андреевна» и смычковая деревянная борона-попрыгунья. Все тот же печальный одер таскает их, и все та же первобытная картина в стиле неолитического каменного века, или, вернее, «лыково-деревянного», мозолит вам глаза от Курска вплоть до самого Петербурга».

Занимая должность управляющего в имении Рамонь, Иван Николаевич прилагает немало усилий по оказанию помощи окрестному

населению. По его инициативе в Рамони в 1891 г. был организован лесо-агрономический съезд, на котором обсуждались меры борьбы с засухой, которая также была одной из причин неурожая. Среди участников были ученые, агроном И.А. Стебут, и агрохимик, физиолог Д.Н. Прянишников, выпускники Петровской сельскохозяйственной академии и Конь-Колодезской сельскохозяйственной школы, работавшие в хозяйствах Воронежской губернии.

Так как неурожаи в первую очередь коснулись зерновых культур, это спровоцировало недостаток хлеба. В октябре 1891 г. Иван Николаевич читает доклад «Питательное и кормовое достоинство свекловично-сахарных отбросов, как суррогатов в голодный год» для Воронежского отдела Императорского Московского Общества сельского хозяйства. Из доклада И.Н. Клингена: «Из получаемых сведений уездными земскими управами и из частных сведений воронежских и курских помещиков за последнее время выясняется, что крестьяне наиболее бедные начали прибавлять в свой хлеб разнообразные частью безвредные, частью совершенно вредные и во всяком случае непитательные вещества. <...> В Воронежском уезде попадается в настоящее время хлеб с глиной, с куколем, с мякиной – самого отвратительного вида и вкуса. <...> опасность для бедного нашего народа двойная: не только пострадать от голода, но и быть отравленным, медленно или быстро – это все равно»[10]. По инициативе принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской и при непосредственном участии И.Н. Клингена начинают проводиться опыты по изготовлению хлеба с использованием разных видов добавок в качестве заменителей зерна. Так как в имении действовал сахарный завод, то в качестве дешевой и питательной основы Клинген предлагал использовать свекловичную резку с добавлением патоки. Подобный состав был одобрен

вотчинным врачом П.П. Хижиным. Вследствие этого администрацией имения окрестному населению в 1891 г. было передано до 80000 пудов свекловичного жома. Также в центральной рамонской пекарне выпекался хлеб из следующей смеси: ячмень, рожь, кукуруза, свекловичный жом. В качестве добавки использовали и жмых из подсолнечника. Давая представление об объемах производства, И. Клинген отмечал: «Ежедневно выпекается 360 пудов хлеба, из которого 325 пудов со свекловичным жомом, от 400 до 500 человек толпятся на улице, ожидая очереди, не считая 4-х попечительниц, присылающих за хлебом свои подводы. Приезжают за хлебом не только с соседних волостей, но даже из соседних уездов»[11]. Помимо этого по инициативе И. Клингена в имении было налажено производство консервов, в качестве основы брали свекловичную резку, патоку, капустный лист. Подобные консервы отправлялись в попечительские столовые Воронежского уезда. Также среди окрестного населения проводилась разъяснительная работа по правильному силосованию кормов для скота. Крестьянам, не имеющим средств прокормить скот, разрешалось оставлять его в имении до весны. При проведении работ по расчистке лесных дач сухостой отпускался окрестному населению бесплатно. Служащие имения ежемесячно отчисляли 5% от своего жалованья на помощь нуждающимся. Для того чтобы привлечь внимание широкой общественности к разразившейся беде, Иван Николаевич обращается в несколько издательств с тем, чтобы напечатали его статью о мерах борьбы с голодом. В частности, сохранилось его письмо к издателю А.С. Суворину, датированное 29 апреля 1892 г., где оговариваются условия печати означенной статьи. Письмо было отправлено из Рамони. Обратимся к нему: «Собравшись с духом, написал для Вас длинную статью, имеющую весьма близкое отношение к бедствию

1891 г. <...> Еще просьба и очень усердная: если по разным обстоятельствам Вы признаете необходимым сократить текст <...> крайне желательно, что бы естественно историческая часть, трактующая главным образом о важнейших темах коренных хозяйственных улучшениях, дающая прочную основу пропаганды об организации расселения крестьян в поселки и связанных с этим весьма близко коренных улучшениях всего климата нашей родины, без которых немыслим сельскохозяйственный прогресс и благополучие всего народа, что бы эта естественно-историческая часть осталась по возможности без урезок»[12]. В письме Иван Николаевич сообщал свой новый адрес: Тифлис, до востребования, главному инспектору Кавказских удельных имений.

Покидая имение Рамонь, Клинген переходит на государственную службу. Обратимся к curriculum vitae: «Я покинул частновладельческое хозяйство и поступил на службу в Удельное Ведомство, куда меня манила более широкая сфера деятельности общественного агронома-организатора»[13].

Впоследствии своей деятельности в частных имениях Иван Николаевич напишет следующее: «Хозяйничая, главным образом, в хозяйствах со свеклосахарными, винокуренными, маслобойными и прочими заводами, я с особенной энергией проводил в жизнь идею привлечения к культуре заводских корнеплодов и клубнеплодов по возможности мелких хозяев – крестьян для существенного улучшения их полеводства»[14].

В 1894 г. И.Н. Клинген представил начальнику Главного управления Уделов князю Л.Д. Вяземскому проект введения в культуру субтропических растений, имеющих важное хозяйственное значение, особенное внимание уделялось организации посадок чая. В журнале «Хозяин» за 1895 г. читаем: «Удельное ведомство при-

нялось за разведение чая в Батумской области, на Кавказе. Управляющим удельными имениями на Кавказе, господином Клингеном <...> скуплены обширные участки земли близ местечка Чаква, годные для разведения чая. Летом прошлого года их осматривал профессор географии Харьковского университета А.Н. Краснов и признал их одинаково пригодными по климатическим условиям для разведения чая. <...> Для окончательного изучения приемов и способов разведения чайных культур удельное ведомство снаряжает большую экспедицию из господ Краснова, Клингена и двух агрономов-практикантов»[15].

Экспедиция продлилась более года. Иван Николаевич посетил Китай, Египет, Цейлон, Японию, где, в частности, состоялась его встреча с будущим архиепископом Токийским и Японским Николаем (святой равноапостольный Николай Японский). Из дневника Николая Японского: «1/13 сентября 1895. Пятница. Был Иван Николаевич Клинген, начальник экспедиции ведомства уделов. Цель экспедиции в Японии — заимствовать отсюда все, что может быть полезно у нас (по части флоры) на Кавказе. Говорит умно и дельно. Дай Бог, чтобы вышла польза. Дал ему адресы наших катихизаторов и священников во всех тех городах, где располагает быть и где у нас есть христиане»[16].

По возвращении из экспедиции Иван Николаевич организует в Чаквинском удельном имении близ города Батуми чайную плантацию (на 1921 г. площадь составляла 500 десятин), также была организована специальная опытная станция по изучению различных видов чая. По инициативе И. Клингена закладываются посадки ценных субтропических культур (цитрусовые, бамбук, бруссонетия бумажная, лаковое дерево, лавр камфорный и др.). Известный ученый агрохимик Д.Н. Прянишников в своей книге «Мои воспоминания»

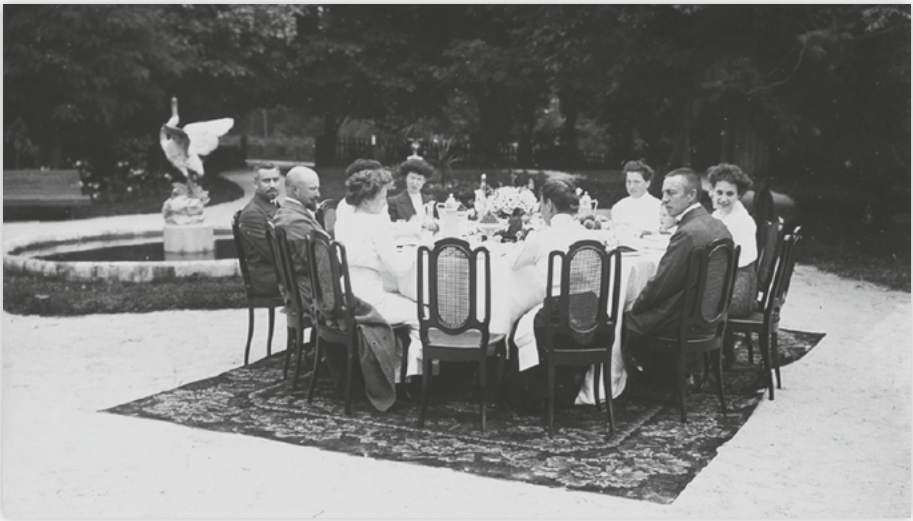
так отзывался об Иване Николаевиче: «Клинген был очень способным человеком, хорошим оратором, <...> имел большие заслуги в весьма разнообразных областях. Он немало поработал по свекловодству и по клеверно-пчеловодному хозяйству <...>, а затем ему принадлежат большие заслуги в ведении субтропических культур на Черноморской Ривьере»[17].

В 1896 г. И.Н. Клинген был назначен главным агрономом Главного управления Уделов. Этот период деятельности достаточно полно описан Иваном Николаевичем в curriculum vitae, обратимся к данному документу: «...не оставляя надзора за удельными свеклосахарными, хлопковыми, чайными и прочими субтропическими и заводскими хозяйствами в южной России, на Кавказе и в Средней Азии, сосредоточил свое главное внимание на организации мелких крестьянских хозяйств на Удельной земле, прежде всего в засушливой полосе Восточной и Юго-Восточной России, где упадок крестьянского хозяйства достиг крайнего предела. <...> Я приступил вместе с рекомендованными мною на службу агрономами к устройству этих хозяйств на площади 1 000 000 десятин»[18]. По инициативе И. Клингена была организована агрономическая помощь крестьянским хозяйствам (создание поселковых кооперативов, открытие кредитных касс взаимопомощи, введение многопольных севооборотов применительно к условиям местности и др.). Большое внимание Иван Николаевич уделял искусственному травосеянию. В частности, им была написана книга «Кормовые растения и польза от них». В предисловии Иван Николаевич обращается с напутственной речью к удельным арендаторам, где есть и следующие слова: «Обращаюсь к вам не как к чужим людям, а как к старым знакомым. Прочтите мою книжку, и если она поможет вам хоть немного улучшить хозяйство, уйти от горькой нужды и увеличить достаток,

то это будет для меня самой лучшей наградой за мой труд»[19]. К важным научно-практическим работам И. Клингена необходимо отнести и разработанную им «скороспелую залежную систему» – сочетание в севообороте злаковых культур с многолетними бобовыми, что давало возможность сократить период залежи в севообороте. Вводимые культуры являлись также дополнительной кормовой базой для рабочего скота. Описание этой системы было подробно изложено И. Клингеном в книге «Скороспелая залежная система для Восточной России преимущественно на черноземных почвах». Данная работа была премирована Большой золотой медалью имени И.А. Стебута. В 1903 г. по инициативе И.Н. Клингена была создана Безенчукская удельная опытная станция.

В 1907 г. Иван Николаевич получает чин статского советника. Так как в 1906 г. в распоряжение Крестьянского банка были переданы удельные земли, он переходит на частную службу. С 1907-го по 1913 г. И.Н. Клинген – главноуправляющий в имениях Брасово и Дерюгино великого князя Михаила Александровича. О размерах владений августейшего владельца позволяет судить следующая запись: «Брасовское и Дерюгинское имения Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича широко раскинулись на пространстве Орловской и Курской губерний, занимая площадь свыше ста тысяч десятин, разбросанных на территории слишком в 3500 кв. верст. Это такой размер, который по своей величине близко граничит с представлением о некоторых самостоятельных среднеевропейских государствах» [20].

Наиболее частые визиты великого князя в усадьбу начинаются с 1909 г., Михаил Александрович был назначен командиром 17-го гусарского Черниговского полка, расквартированного в городе Орле. Орел находился в 120 верстах от Брасовского имения.



Гости Брасовского имения. Справа – С.В. Рахманинов. 1911 г.
(Источник: Рожкова С.Н. Двуглавые орлы Брасовской усадьбы. Брянск. 2015)

С Брасовской усадьбой связана личная сторона жизни великого князя. В конце 1907 г. состоялось знакомство Михаила Александровича с Натальей Сергеевной (урожденной Шереметьевской), женой его подчиненного, поручика Владимира Владимировича Вульферта. Знакомство переросло в роман. Несмотря на запреты Николая II, Михаил Александрович продолжает встречаться с Натальей Сергеевной. В 1910 г. он становится отцом, рождается сын Георгий. Начиная с декабря 1911 г. Наталья Сергеевна регулярно приезжает в «милое Брасово». Радушные хозяева, великий князь и его будущая супруга, принимают гостей и близких в усадьбе. Летом 1911 г. имение посещает известный композитор С.В. Рахманинов. На фотографиях того периода мы видим также И.Н. Клингена.

Заступая на должность главноуправляющего, И.Н. Клинген напишет очень обстоятельный и подробный отчет о состоянии дел в имениях, в котором есть и следующие строки: «Несравненно насущнее, в видах улучшения быта и сохранения здоровья служащих Брасова и их детей, – это постройка новых улучшенных, хотя бы и очень скромных жилищ, взамен существующих <...> Ввиду этого, я ходатайствую перед Вашим Императорским Высочеством о разрешении

У входа в дом. Гости у фонтана. На переднем плане – Клинген И.Н. 1911 г. (Источник: Рожкова С.Н. Двуглавые орлы Брасовской усадьбы. Брянск. 2015)

выстроить по известному типу несколько усадеб для служащих Главного Управления, наиболее в них нуждающихся. Смету на них имею честь представить»[21]. Для предотвращения хищений в хозяйстве имений И.Н. Клингеном были введены новые штатные единицы: ревизоры по сельскому хозяйству, лесничествам, счетоводству, появляется должность помощника главноуправляющего по административной части. В имении велась и благотворительная деятельность. И.Н. Клинген являлся попечителем Брасовского училища.

Одной из наиболее прибыльных статей доходов, получаемых владельцами поместий, являлось винокурение. В Брасовском имении действовали четыре винокуренных завода (Брасовский, Локотской, Ивановский, Навлинский) и один в Дерюгино (Чернявский).

Ключевую роль в получении доходов имения играло лесное хозяйство. Было проведено таксационное описание лесов, составлены подробные планы лесных дач. Охота в лесах имения была запрещена.

В Брасовском имении также работали паровые лесопильные заводы, обслуживание которых «давало обильный заработок десятку селений, которые всю зиму подвозят круглый лес к пильне, а разделанный уже материал отвозят к пунктам сбыта»[22].

Действовавшие лесотехнические заводы перерабатывали отходы лесного производства в деготь, уголь, древесный спирт, скипидар, смазочную колесную мазь, асфальт. Благодаря тому, что в качестве основного сырья заводы использовали лесной отпад, лесные угодья постепенно очищались от завалов, которые являлись местами скопления вредных насекомых. Помимо прибыли имению лесотехнические заводы также давали дополнительный заработок местному населению. Кроме этого действовали передвижные лесопильни для разработки леса в самых отдаленных лесорубочных выделах. В Алтухово работал древесно-массный завод по выработке картона. Велась

разработка торфа. Руководство имением заботилось и о дальнейшем лесовосстановлении, при лесничествах были заложены питомники, выращивались саженцы сосны, лиственницы, ели, пихты.

В усадьбе было организовано рыбоводство, разводили лакс-форель, таймень, лосось, сиг и др. Рыба бережно охранялась от лова. Брасовское имение славилось своими лесами, в которых водилось много животных, дичи. Не случайно эти места посещал страстный охотник писатель И.С. Тургенев. При посещении великим князем Брасовского имения практически всегда устраивалась охота. Она проводилась и в Дерюгинском имении.

Скотоводство Брасовского имения делилось на несколько групп: молочное стадо, 2 стада племенных украинских маток, рабочее и гулевое стадо. Общее число голов рогатого скота на 1891 г. составляло 1816 штук, и, сообразно кормовым средствам, животные распределялись по отдельным хуторам. В целом молочное хозяйство содержалось для собственной потребности.

В Брасовском поместье действовал конный завод. Основное внимание было обращено на улучшение породы разъездных и рабочих лошадей как более соответствующих для хозяйственных целей имения. В качестве производителей держали следующие породы: суффолк, клейдесдаль, арден и др. Императрицей Марией Федоровной были подарены белые датские матки.

Также в имении находились паровая маслобойня, костеобжигательный, паровой льнообделочный, кирпичные заводы, большое механическое заведение, мукомольные мельницы, экономическая аптека, Главный магазин, почтово-телеграфная контора в селе Брасово и др. В Дерюгинском имении действовали свеклосахарный, лесопильный заводы, писчебумажная фабрика, работала механическая мастерская.

Большое внимание в Брасовском и Дерюгинском поместьях уделялось сельскому хозяйству, в частности отделу оранжерей, садоводству и огородничеству. Плодовый сад, находившейся в Брасово, сдавали в аренду. В оранжереях выращивали плодовые и декоративные растения. Из персиков, абрикосов, слив, ананасов готовили консервы для Августейшего владельца. Часть плодов шла на продажу.

При центральном хуторе (Локоть) находились опытные поля, где применялись разные агротехнические приемы по обработке почвы, также проводились эксперименты по внесению разных видов удобрений, выращивались несколько сортов картофеля, зерновые. Велись полевые журналы. Приведем выдержку из краткого очерка Брасовского и Дерюгинского имений за 1903 г.: «Наука усиленно работает в интересах хозяйства, а практические применения и поверки научных выводов для данной местности достигаются единственно лишь опытными полями»[23].

Брасовское имение, являясь образцовым многоотраслевым хозяйством, сотрудничало с профильными образовательными учреждениями, давая возможность студентам означенных заведений проходить практику в экономии. Нужно отметить, что среди студентов-практикантов, посещавших Брасовское и Дерюгинское имения, был и Н.И. Вавилов, в будущем известный ученый генетик. На тот момент главноуправляющим был И.Н. Клинген.

В 1897 г. в Брасовское имение направляется студент Казанского земледельческого училища Федор Алексеевич Быковский. Практика продолжалась в течение полугода. Ф. Быковский был закреплен на Ивановском участке и Николаевском хуторе. Сохранился подробный отчет Федора Алексеевича о состоянии хозяйства Брасовского поместья, в котором приводится не только подробное описание имения, но и освещаются условия найма экономических рабочих,

заработная плата, взаимоотношения администрации с окрестным населением и многое другое. Отчет представляет собой очень ценный и содержательный документ по ведению хозяйства в Брасово. Есть упоминание и об опытном поле: «Опытное поле здесь вообще очень замечательное, прежде всего оно занимает целых 84 десятины (значит нужно иметь прямо миллионные средства, чтобы производить на нем постоянные опыты)»[24]. По окончании обучения в Казанском земледельческом училище Федор Алексеевич получает звание «ученого управителя» и, видимо, положительно зарекомендовав себя еще на период прохождения практики, получает место в Брасовском имении в качестве помощника лесничего Пролысовского лесничества. В 1902 г. Ф. Быковский назначается управляющим Ивановского участка с Николаевским хутором.

Возвращаясь к описанию сельского хозяйства Брасовского и Дерюгинского имений, отметим, что при опытных полях действовала сельскохозяйственная лаборатория, где проводились исследования, в том числе на количественное содержание крахмала в картофеле. Помимо пищевых целей картофель использовали и в винокуренном производстве. В имении была создана метеорологическая станция, принадлежавшая к Киевской сети. Показания снимал фельдшер. Кроме этой станции в Брасовском и Дерюгинском имениях к 1915 г. были организованы 8 метеорологических станций 3-го разряда. Лаборатория и метеорологическая станция имели очень хорошее оснащение, об этом позволяет судить сохранившаяся «Опись химических и физических приборов при лаборатории Брасовского опытного поля»[25].

Подробное описание имущества и планы расположения построек Локотского опытного поля содержатся в документах по национализации Брасовского имения за 1919 г. Приведем выдержки: «...опытное поле <...> располагало <...> площадью земли в 92 десятин». Согласс-

но «Сведениям о количестве живого и мертвого инвентаря по Брасовскому опытному полю», здесь находились следующие постройки: здание лаборатории, кухня при лаборатории, хата для служащих при пасеке, будка фотографическая, дом (квартира заведующего опытным полем), дом и барак летний для рабочих, метеорологическая будка, дом для служащих опытного поля, инвентарный сарай на столбах, амбар для хлебов, сарай-поднавес для сена, конюшня, хата для конюхов, дом, занимаемый бывшим пчеловодом, и др.

В Брасовском поместье значительное внимание уделялось и такому отделу, как пчеловодство. «Участки под пасеку сдавались в аренду за плату по 15 копеек с колоды в год», – читаем в описании имения за 1897 г. В описании Брасовского поместья за 1900 г. также есть упоминание о данной отрасли хозяйства: «Пчеловодство ведется при 150 ульях разных систем и представляет из себя вполне организованную отрасль хозяйства» [26].

Руководство имения, решив и дальше развивать этот отдел, расширяет хозяйство. В кратком очерке Брасовского и Дерюгинского имений за 1903 читаем: «Пчеловодство в количестве 300 семей в ульях разных систем составляет вполне образцовый отдел. Опытный ученый пчеловод изготавливает вощину, заставляет пчел работать в магазин или на рой, разделяет сильные рои к запасным маткам, контролирует ежедневный принос меда в пасеку и вообще ведет образцово это интересное хозяйство. В будущем предполагается расширить этот отдел, устроив филиальные пасеки в хуторах, дабы достигнуть таким образом возможных материальных выгод» [27].

Настоящий расцвет данной отрасли связан с именем Ивана Николаевича Клингена.

Его коллега по Брасовскому имению главный пчеловод И.И. Евдокимов писал: «И.Н. Клинген в совершенстве владел несколькими язы-

ками, переписывался со многими деятелями сельского хозяйства за границей, был человеком исключительной энергии, работоспособности; сельское хозяйство, в самом широком понимании, безраздельно поглощало всю его энергию и высокий светлый ум»[28].

Период пребывания И. Клингена в Брасовском и Дерюгинском имениях известен, в том числе, и благодаря его замечательным опытам по опылению красного клевера пчелами и предложенному им плану организации полеводства и пчеловодства в общей стройной системе так называемого пчелопольного хозяйства. Для этого он вводит клеверные севообороты, организует семенное клеверное хозяйство (на 1912 г. 1295 десятин). Вследствие этого возник вопрос об опылении клевера. Шмели полностью этой задачи не решали, поэтому И. Клинген выписывает кавказских «лучших в мире красноклеверных пчел», так как он считал, что простые пчелы не могут опылять красный клевер или, если могут, то в весьма незначительном количестве. Также для этих целей были приобретены следующие породы пчел: краинская, итальянская, украинская, южно-русская.

Одной из его задач по успешной организации Брасовского и Дерюгинского хозяйств было создание «пчелопольного полеводства». И. Клинген приходит к выводу о необходимости селекции как пчелы, так и цветка клевера. В имении начинают проводить селекционную работу, в связи с чем интересно письмо Ивана Николаевича к профессору Московского сельскохозяйственного института Кулагину Николаю Михайловичу за 1911 г., приведем выдержки: «В принципе я очень <...> рад взять рекомендуемую Вами практикантку пчеловодку <...> Хотелось бы поселить ее в Брасовской центральной племенной пасеке для вывода чистопородных маток кавказской породы. Во Владимирском хуторе <...> будут племенные отделения для выведения метисов: кавказско-итальянской, кавказско-краинской, италья-

но-краинской, итальяно-кавказской»[29]. Обращает на себя внимание тот факт, что пчеловодом практикантом являлась именно женщина. Нужно отметить, что в начале XX века женское сельскохозяйственное образование в России открыло как бы «новый фронт», готовя специалистов-практиков для всех отраслей сельского хозяйства. Получив глубокие научные и теоретические знания, практические умения, а некоторые – и дипломы «ученых агрономов», интеллигентные женщины приобретали не только средства к существованию, но и общественное признание, «точку опоры» в жизни. В своих публикациях Иван Николаевич затрагивает также и тему женского вопроса. Приведем несколько выдержек: «Женщина, получив сельскохозяйственное образование, может воспользоваться им для того, чтобы воспитать своих детей в деревне, дать им прежде всего здоровье, которое так легко расшатывается в городе, вселить в них стойкость убеждений и силу характера, вдохнуть в них силою материнской любви живую привязанность к природе <...> В деревне, в качестве жены священника, доктора, агронома, учителя и т.д. женщина с сельскохозяйственным образованием может своим знанием служить весьма полезным советником <...> Французы говорят: «Чего хочет женщина, того хочет Бог». Я же, как старый деревенщина, скажу вам: святой долг зовет ее на трудный, но славный житейский подвиг, потому что того хочет Бог земли Русской»[30].

Очень показательно следующее замечание Ивана Николаевича: «Усадебное хозяйство – это наилучший удел женщины крестьянки, а также спасительный приют для малоземельных селянов, которые в этом случае могут отстоять свою оседлость, а следовательно и культуру, от лютой необходимости сделаться бездомными бродягами по белу свету, чаще по городским притонам, у которых ни кола, ни двора, ни семьи, ни привету» [31]. Нужно отметить, что среди служа-

щих Брасовского имения были и женщины, например, на должности агронома работала Н. Фролова.

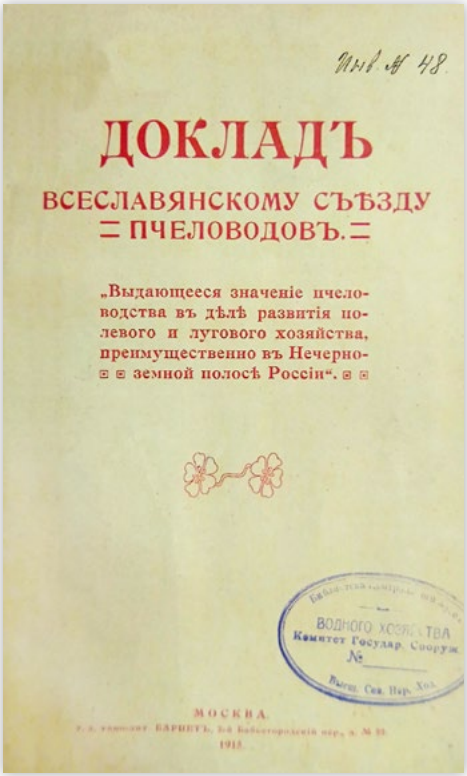
Возвращаясь к истории развития Брасовского опытного хозяйства, отметим, что в 1910 г. под руководством И. Клингена закладывается медоносное поле, в 1912 г. было принято решение его расширить. В связи с чем под него отводится участок из филиального отделения опытного поля. Выбор данного участка И.Н. Клинген объясняет следующим обстоятельством: «в других местах, особенно на центральном опытном поле, помимо других неудобств, почва настолько испестрена предыдущими опытами с удобрениями, что не оставляет места опытам с медоносами». На опытных медоносных полях велась строгая отчетность, все наблюдения и проводимые агротехнические приемы заносились в особый журнал.

О значительных заслугах И.Н. Клингена в области пчеловодства говорит и тот факт, что ему выпала честь выступить с докладом на 3-м съезде Всеславянского пчеловодческого союза, проходившего в Москве в 1912 г., причем значительная часть доклада была посвящена именно Брасовскому имению. Хотелось бы привести цитату из него: «Для меня, старого хозяина, уже много лет работавшего над проведением в жизнь самых разнообразных мер улучшения в сельском хозяйстве, – не тайна, что полное осуществление предлагаемой мною системы хозяйства по плечу лишь усилиям многих и многих сельских хозяев и не одного, а быть может, нескольких поколений. Но в единении сила!». И здесь нельзя не упомянуть, что инициатором и председателем данного союза был известный русский ученый-зоолог Н.М. Кулагин, академик, профессор Московского сельскохозяйственного института (с 1894) и Московского государственного университета. Известна его переписка с И.Н. Клингеном, в том числе касающаяся и хозяйственной деятельности Брасовского имения. Вместе с профес-

сором московского университета Г.А. Кожевниковым Н.М. Кулагин посетил Брасовское имение. Система пчелопольного хозяйства неоднократно освещалась И.Н. Клингеном на различных агрономических съездах: XVI собрание Орловского общества исследователей природы (1910 г.), I съезд деятелей по селекции сельскохозяйственных растений и семеноводству в Харькове (1911 г.) и др.

С 1909 г. на должность заведующего Дерюгинским лесничеством назначается ученый лесовод В.С. Долгополов, с июня 1911 г. Долгополов – заведующий Брасовским и Дерюгинским лесничествами. Владимир Саввич Долгополов (1882–1949 гг.) родился в городе Острогожске Воронежской губернии в дворянской семье, окончил Санкт-Петербургский лесной институт, позже учился в Московском сельскохозяйственном институте. Принимал участие в экспедиции на Амур. В 1908 г. В.С. Долгополов женится на А.М. Мелентьевой. Анна Михайловна пронесла любовь к мужу через всю жизнь. Сохранились ее воспоминания, где описывается и период жизни Долгополовых в Дерюгино и Брасово. В частности, есть упоминание и о И.Н. Клингене: «Это был очень культурный, глубоко образованный человек, уже не молодой, седой, очень подвижный, всем интересующийся человек. Он много путешествовал, имел печатные труды. <...> У Ивана Николаевича была большая семья»[32].

И здесь хотелось бы более подробно остановиться на близких И.Н. Клингена. Как уже упоминалось выше, Иван Николаевич был женат на Евгении Павловне Осинской. В браке родились: Николай, Надежда, Вера, Евгения, Мария, Иван, Виктор, Сергей. Дочери Вера и Евгения сочетаются браком с братьями Пагануцци, соответственно с Николаем и Борисом Александровичами. В 1913 г. Николай Александрович Пагануцци станет управляющим Александровского хутора Брасовского имения. В 1915 г. он был призван на фронт, да-



И.Н. Клинген. Доклад Всеславянскому съезду пчеловодов

лее находился в плену до 1919 г. Оказавшись в эмиграции в Сербии, Николай Александрович был советником по вопросам сельского хозяйства в городе Тител. Его сын Павел Николаевич Пагануцци продолжил дело отца и деда и также получил диплом агронома. Позже он переедет в Монреаль. Павел Николаевич продолжит образование и получит ученую степень доктора гуманитарных наук. Вплоть до выхода на пенсию он читал лекции в Вермонтском университете. Виктор Иванович Клинген принял революцию 1917 г., жил в Советской России. Старший сын, Николай, учился по агрономической части, обладая художественными способностями, принимал участие в оформлении иллюстраций книги о травосеянии Ивана Николаевича. К сожалению, Николай, заболев воспалением легких, умер в молодом возрасте.

В 1913 г. Иван Николаевич оставляет должность главноуправляющего имениями. В 1915 г. был издан доклад И.Н. Клингена «Выдающееся значение пчеловодства в деле развития полевого и

лугового хозяйства, преимущественно в нечерноземной полосе России», прочитанный им на третьем Всеславянском съезде пчеловодов. Иван Николаевич не забывает Брасово и в одном из писем к Н.М. Кулагину, в котором оговариваются условия печати означенного сочинения, просит: «Если Вы сможете сверх 100 даровых экземпляров надбавить еще 30, то я был бы благодарен <...> и направил бы их в Брасово и Дерюгино»[33]. В 1915 г. И.Н. Клинген возвращается на должность главного агронома Главного управления Уделов. Далее он был откомандирован в качестве инспектора удельных имений на Кавказ; одной из поставленных перед ним задач была организация в крупных размерах чайного хозяйства. Революцию 1917 г. Иван Николаевич застал в удельном имении Абрау Дюрсо. В 1920 г. Клинген вместе супругой покидает Россию. Дальнейшая судьба сложилась трагически. И. Клинген вместе с Евгенией Павловной находились в лагере для перемещенных лиц в Египте. Из статьи В.Т. Шацкого, следующего главноуправляющего

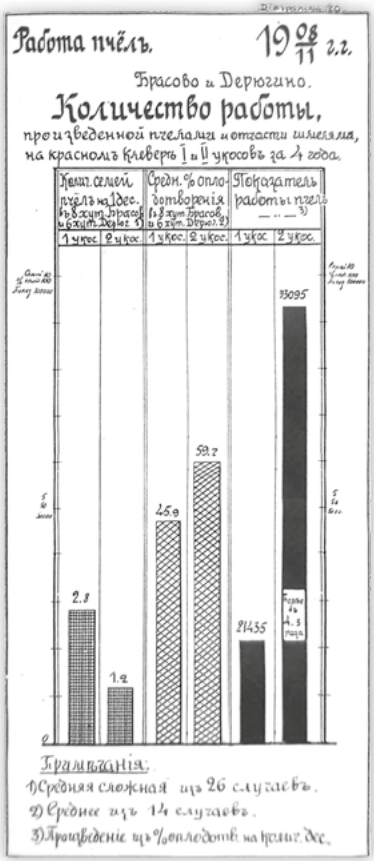


Диаграмма «Работа пчел. Брасово и Дерюгино. 1908-1911». (Источник: И.Н. Клинген. Доклад Всеславянскому съезду пчеловодов. Москва. 1915)

имений Брасово и Дерюгино: «Несмотря на почти непреоборимые затруднения, всевозможные лишения и полное отсутствие литературных пособий, Иван Николаевич Клинген, в своей кипучей натуре, ни на минуту не оставляет мысли об общественной работе и о той пользе, которую он еще может и должен (а долг у него всегда на первом месте), по мере своих сил, принести своей несчастной Родине. Он все время чувствует ее боль и страдания, с лихорадочной энергией набрасывается на работу и в полном смысле слова сгорает в этом желании и стремлении, сокращая тем самым подорванную уже годами, болезнями и лишениями свою жизнь»[34]. Иван Николаевич, несмотря на лишения и невзгоды, ведет активную позицию гражданина и патриота своей родины. Обратимся к статье В.Т. Шацкого: «Когда известие о постигшем Россию голоде достигло Египта, Иван Николаевич, имея большой опыт по борьбе с последним в 1891-1892 гг., садится со всею страстностью за работу и, взывая ко всему миру, пишет большую работу «О борьбе с голодом в России», являющуюся посмертной его работой, и посылает Союзу русских агрономов, ветеринаров и лесных инженеров в Королевстве сербов, хорватов и словенцев на заключение и возможное ее использование». Одним из членов данного союза был В.Т. Шацкий. Летом 1922 г. беженцев, из Египта, в числе которых был и Иван Николаевич, перевезли в Болгарию, в Варну, где он и скончался. Супруга Ивана Николаевича, Евгения Павловна, последние годы жизни провела в Сербии, умерла в 1939 г., похоронена вместе с дочерью Верой Ивановной Пагануцци на Кадетском кладбище Белая Церковь.

Заканчивая статью, хотелось бы обратиться к строкам из очерка В.Т. Шацкого памяти И.Н. Клингена, где, как нельзя лучше, предстает перед нами светлый образ Ивана Николаевича: «Разнообразие

основательных его знаний поражало тех, кому в работе приходилось с ним сталкиваться. Как инициатор, с богатейшей фантазией, он не имел себе равных и такую его оценку лично мне приходилось не раз слышать от профессора И.А. Стебута. <...> Это талантливый труженик, щедро отдавший все свои силы на пользу человечества и дорогой нашей Родины России».

Источники и литература

[1] Описание отдельных русских хозяйств. Вып. 1. Тульская губерния. Министерство земледелия и государственных имуществ. Департамент земледелия. СПб., 1897. 71 с.

[2] Описание отдельных русских хозяйств. Вып. 2. Орловская губерния. Министерство земледелия и государственных имуществ. Департамент земледелия. СПб., 1897. 61 с.

[3] Дело Императорского Петербургского университета о зачислении в число студентов Ивана Клингена // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 16560.

[4] Наумкин В.П. Золотой фонд пчеловодства России. Орел, 2008. 166 с.

[5] Curriculum vitae русского ученого агронома И.Н. Клингена. Семейный архив И.Е. Клингена.

[6] Метеорологический вестник под редакцией А.И. Воейкова, М.А. Рыкачева, И.Б. Шпиндлера. Т. III. СПб., 1893.

[7] Дело Департамента полиции о кандидате сельского хозяйства Иване Клингене, студентах Петровской академии Нехаевском, Пиотрашко и Придорогине // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 1886. Д. 691.

[8] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова и под общ. руководством П.П. Семенова и академика В.И. Ламанского. Средне-Черноземная область. СПб., 1902. Том 2. 717 с.

[9] Клинген И.Н. Роль женщины как образованной сельской хозяйки в обновлении русской деревни. СПб., 1903. 52 с.

[10] Клинген И.Н. Питательное и кормовое достоинство свекловично-сахарных отбросов, как суррогатов в голодный год. Воронеж. 1891. 55 с.

[11] Клинген И.Н. Питательные и кормовые суррогаты по опытам в Рамони. Воронеж. 1892. 20 с.

[12] Письмо Клингена Ивана Николаевича А.С. Суворину // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1824.

[13] Curriculum vitae русского ученого агронома И.Н. Клингена. Семейный архив И.Е. Клингена.

[14] Там же

[15] Хозяин. Журнал сельского хозяйства и экономии. № 3. 1895 г.

[16] Труд равноапостольного Николая Японского (Касаткина) «Дневники. Том III, 1893-1899 гг.». Дневники святого Николая Японского: в 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 3. — СПб.: Гиперион, 2004. – 896 с.

[17] Прянишников Д.Н. Мои воспоминания. М. – 1961.

[18] Curriculum vitae русского ученого агронома И.Н. Клингена. Семейный архив И.Е. Клингена.

[19] Клинген И.Н. Кормовые растения и польза от них. 2-е изд. СПб., 1909-1911.

[20] Известия Главной конторы Брасовского и Дерюгинского имений Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича, № 1. Дмитриев. Типография А.Д. Кривопущенко. 1915 г. // Государственный архив Брянской области (ГАБО).

[21] Документы по делу передачи имений Главноуправляющим И.Н. Клингеном // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 545. Оп.1. Ед. хр. 22.

[22] Объяснительная записка к годовому отчету по Брасовскому Великого князя Георгия Александровича имению // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 11/II. П. 5. Ед. хр. 34.

[23] Краткий очерк Брасовского и Дерюгинского имений, принадлежащих Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику и Великому Князю Михаилу Александровичу. Орел, 1903. 30 с.

[24] Отчет о практической деятельности в Брасовском имении Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Георгия Александровича // Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ) Ф. 375. Оп. 1. Д. 715.

[25] Акты о национализации землевладельческих имений // ГАБО. Ф. 342-Р. Оп. 2. Д. 177.

[26] Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах / МЗ и ГИ. Деп. земледелия. – 2-е изд. Вып. 1. – СПб., 1900. С. 123.

[27] Краткий очерк Брасовского и Дерюгинского имений, принадлежащих Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику и Великому Князю Михаилу Александровичу. 30 с.

[28] Наумкин В.П. Золотой фонд пчеловодства России. Орел, 2008. 166 с.

[29] Письма Клингена Ивана Николаевича (агроном-пчеловод) Н.М. Кулагину // ФГБУН Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 445. Оп. 3. Д. 499.

[30] Клинген И.Н. Роль женщины как образованной сельской хозяйки в обновлении русской деревни. СПб., 1903. 52 с.

[31] Доклад Клингена Всеславянскому съезду пчеловодов // АРАН. Ф. 445. Оп. 4. Д. 67.

[32] Мелентьев М.М. Мой час и мое время СПб., 2001.

[33] Письма Клингена Ивана Николаевича (агроном-пчеловод) Н.М. Кулагину // ФГБУН Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 445. Оп. 3. Д. 499.

[34] Статья В.Т. Шацкого «И.Н. Клинген». По материалам семейного архива И.Е. Клингена.

А.А. Богданов

«Я бы много могла тебе сказать о Семенове-Тян-Шанском...»

Член Государственного совета П.П. Семенов-Тян-Шанский. Ок. 1910 г. Фонд сохранения наследия П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. С.-Петербург)

В недавно опубликованной переписке великой княгини Ольги Александровны с ее братом императором Николаем II из имения Ольгино[1] неоднократно упоминается знаменитая и необычная по тем временам фамилия – Семенов-Тян-Шанский. Первым обладателем этой фамилии (а точнее – почетного дополнения к родовой фамилии) стал знаменитый ученый, путешественник и государственный деятель Петр Петрович Семенов (1827–1914)[2]. Ему именным императорским указом от 23 ноября 1906 г. «...дозволено, с нисходящим потомством присоединить к фамилии название исследованной им, во время предпринятого в 1856-1857 гг. отважного путешествия в Центральную Азию, местности Тян-Шань и именоваться впредь Семеновым-Тян-Шанским»[3]. Как мы видим, в соответствии с Высочайшим указом все члены семьи получили право носить эту звучную фамилию. Первое ее упоминание

в переписке великой княгини Ольги Александровны датировано 12 августа 1911 г. На тот момент носителями фамилии по мужской линии были 5 сыновей и 11 внуков знаменитого ученого. Из дальнейшей переписки становится понятно, о каком представителе этого рода идет речь. В письмах от 11 сентября 1912 г. и 15 сентября 1913 г. упоминается крейсер «Олег», который входил в состав Гвардейского флотского экипажа[4]. И в том же году, а точнее 14 февраля 1911 г., циркуляром Главного морского штаба 71/61 мичман Николай Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский был прикомандирован к Гвардейскому флотскому экипажу[5]. Вероятно, именно тогда молодой офицер был официально представлен членам императорской фамилии.

Николай Семенов в детстве. Начало 1890-х. Архив семьи Семеновых-Тян-Шанских (г. Санкт-Петербург)

Биография Николая Дмитриевича Семенова-Тян-Шанского до настоящего времени не была объектом исследовательского интереса, а довольно частое упоминание о нем в переписке членов Российского императорского дома является хорошим поводом для того, чтобы восполнить этот пробел.

Николай был четвертым из пяти сыновей в семье старшего сына П.П. Семенова-Тян-Шанского – на тот момент чиновника Особых

поручений при Министерстве государственных имуществ, надворного советника Дмитрия Петровича Семенова-Тян-Шанского (1852–1917) и его супруги Евгении Михайловны (урожденной Заблоцкой-Десятовской) (1844–1920). Всего же в этой семье было семь детей. Он родился 4 декабря 1887 г. в Санкт-Петербурге в доме № 31 на 14-й линии Васильевского острова. Воспреемниками при крещении значатся студент Андрей Петрович Семенов и вдова действительного статского советника Любовь Андреевна Семенова[6].

В 1899 г. Николай поступил во второй класс гимназии Карла Мая, которую покинул после окончания седьмого класса в 1905 г. В том же году Николай поступил в Морской кадетский корпус. Вполне вероятно, что на выбор морской службы повлиял интерес его дяди и крестного отца. В то время уже известный ученый-энтомолог Андрей Петрович Семенов (с 1906 г. – Семенов-Тян-Шанский) (1866–1942) был человеком разноплановым. Кроме научной деятельности он прославился своими классическими переводами с латыни произведений Квинта Флакка Горация, а с 1905 г. был одним из основателей и активных деятелей общественной организации «Российский Морской союз», занимавшейся проблемами развития Российского императорского флота.

При поступлении Николай Семенов показал хорошие знания по всем предметам, его оценки были не ниже 10 (максимум – 12 баллов). В первый год обучения у Николая возникли сложности в изучении специальных морских наук, по которым он получал оценку – 9. Еще труднее давалась ему военная дисциплина. Самая низкая оценка в аттестационной тетради гардемарина Семенова-Тян-Шанского – за поведение. В первый год обучения – 8 баллов, позже – 9. Вот только некоторые замечания: «Во время занятий читал роман. Поздно встал. Получил «минус» в классе за разговоры, смех и неуместные

замечания»[7]. Видимо, для Николая реалии жизни в военном училище не совпадали с его романтическими представлениями о морской службе, что отразилось в двух характеристиках за первый и второй годы обучения. Давайте сравним: «1905. Поведение – очень хорошее, исполнение служебных обязанностей – исправен. В занятиях – всегда внимателен, прилежен. Степень способности к морской службе – способен»[8]. И год 1906-й: «Довольно замкнутый и серьезный характер, угрюмый и малообщительный, не особенно способен к [морским] наукам. Мало искренен, но, по-видимому, добр и благовоспитан»[9].

Гардемарин 1-го курса Морского кадетского корпуса Николай Семенов. 1905 г. Архив семьи Семеновых-Тян-Шанских (г. Санкт-Петербург)

Летом теоретические занятия в аудиториях Морского корпуса сменялись несением службы на кораблях учебного отряда Балтийского флота, которая была призвана дать гардемаринам прежде всего практику морских походов. В первый же год Н.Д. Семенов проходит трехмесячную морскую практику на учебном судне «Воин», лето 1906 г. он в плавании по Балтийскому морю на крейсере «Рында», а в 1907 г. – на крейсере «Аврора»[10]. При этом, как отмечает командир корабля капитан 2-го ранга Федоров, «в плавании, имея возможность списаться по болезни и совершенно не плавать на крейсере «Аврора», по личному желанию просил остаться на две недели»[11].

Завершалось обучение в Морском кадетском корпусе почти годовым плаванием, в которое гардемарин Семенов-Тян-Шанский отправился 3 июня 1908 г. на линейном корабле «Цесаревич» под началом капитана 1-го ранга П.Я. Любимова. На этот раз отряд учебных кораблей совершил переход из Балтийского моря в Средиземное и обратно. Последнее учебное плавание Николая Семенова-Тян-Шанского ознаменовалось чрезвычайным событием – мощнейшим землетрясением в Италии. 1 декабря все четыре корабля учебного отряда прибыли в порт Аугуста на восточном побережье о. Сицилия. Обычный порядок боевой подготовки был прерван днем 16 (29) декабря известием о землетрясении, практически полностью разрушившем г. Мессина. Русские корабли оказались первыми, пришедшими на помощь. Спасательные работы продолжались пять дней. В разборе завалов принимали участие русские офицеры, матросы и гардемарины. Раненых, больных, детей и стариков на кораблях отвозили в ближайшие города Италии, которые не пострадали от стихии: Неаполь, Палермо и Сиракузы. Возвращаясь в Мессину, суда доставляли закупленную провизию, перевязочные материалы и средства для дезинфекции[12].

Впоследствии все участвовавшие в спасении людей были награждены медалью, учрежденной итальянским правительством. На Балтику корабли вернулись, посетив после Италии Александрию, Канарские острова, о. Мадейра, Портсмут и Киль, пройдя в сумме 10 896 морских миль. В плавании отряд находился 305 дней по 24 марта 1909 г.

После успешных выпускных экзаменов гардемарин Николай Семенов-Тян-Шанский Высочайшим приказом по Морскому ведомству № 897 от 29 марта 1909 г. произведен в мичманы и был направлен в Черноморский флотский экипаж, где назначен на крейсер «Память Меркурия». На этом корабле в качестве вахтенного офи-

цера он находился в плавании с 29 апреля по 22 декабря. По итогам похода капитан крейсера капитан 1-го ранга П.И. Новицкий оставил о новичке подробную аттестацию: «Любовь к морю, морской службе – трудно определить способности. В военно-морском деле, специальностях – слабоват. Общеобразовательная начитанность – отличная. Языки – французский и английский. В морском деле в специальностях – слабоват. Сознание долга и способность пренебречь личными выгодами и удобствами для пользы службы – вряд ли сможет. Дисциплинарность – вполне. С начальниками – весьма почтителен, с подчиненными и сослуживцами – очень хорош. Отношение к нижним чинам – достаточно тверд. Воспитанность и умение держать себя в обществе – в совершенстве. Отношение к кутежам на службе и вне оной – не пьет. В служебных и частных денежных делах – вполне честен и аккуратен. Весьма религиозен. Отношение к семье – очень хорошее. Политически благонадежен. Физически здоров. Может работать, но требует напоминаний. Общее развитие – очень развит. Наблюдательность, внимательность, сообразительность, находчивость – мало. Смелость – мало. Сила воли и энергия, личная инициатива, твердость убеждений – обладает. Хладнокровность – слишком хладнокровен. Способность оценить положение в критические минуты – вряд ли может. Умение владеть словом и пером, работоспособность – слабоват, требует ли понуждения – требует». Общая характеристика капитана гласила следующее: «Мичман Семенов-Тян-Шанский очень хороший, воспитанный молодой человек; но до того вял и безжизнен, что кажется по своим качествам хуже, чем есть на самом деле. Вахту стоит хотя вяло, но исправно и даже предусмотрительно. Если расшевелится, совершенно будет порядочный офицер»[13].

За морской карьерой своего внука пристально следил патриарх семейства Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский, который обра-

Николай, Вера, Михаил и Дмитрий Петрович Семеновы-Тян-Шанские на пороге дома в Санкт-Петербурге. 1910 г. Архив семьи Семеновых-Тян-Шанских (г. Санкт-Петербург)

щается к Морскому министру с просьбой перевести Николая в Гвардейский экипаж. В то же время сам мичман Семенов-Тян-Шанский в декабре 1909 г. пишет рапорт командующему Черноморским флотом с просьбой о переводе его на Балтику: «Прошу ходатайства Вашего превосходительства о прикомандировании меня к Гвардейскому экипажу. Ввиду постоянного жительства моих родителей и родных в городе С.-Петербурге и почтенного возраста моего деда члена Государственного совета Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского,

который изъявлял всегда желание видеть меня в Гвардейском экипаже, таковое мое прикомандирование весьма желательно как для семьи, так и лично для меня, так как в возможных случаях службы на берегу или в резерве позволит мне часто бывать в кругу моих родных и даже жить у родителей, а также принимать участие в трудах Императорского Географического общества, в котором дед мой состоит председателем и поможет наилучшим образом подготовиться к поступлению со временем в Морскую Академию. Мичман Семенов-Тян-Шанский». Вице-адмирал В.С. Сарновский поддержал ходатайство молодого офицера и направил рапорт в Главный морской штаб, при этом запросив соответствующую замену[14].

11 января 1910 г. мичман Семенов-Тян-Шанский был переведен на Балтику, но, поскольку на Балтийском флоте свободных офицерских вакансий в тот момент не было, он был зачислен в вооруженный резерв броненосца «Громобой».

П.П. Семенов-Тян-Шанский не оставлял надежды увидеть своего внука в морской гвардии и 11 марта 1910 г. обращается к генерал-майору Свиты, одному из самых близких к вдовствующей императрице людей князю Н.Д. Оболенскому: «Я был бы счастлив видеть внука моего служащим в Гвардейском экипаже, шефом которого состоит Ее Императорское Величество государыня императрица Мария Федоровна. Однако предпринятые ... шаги ... пока не привели к желательному результату, несмотря на то, что как командир, так и общее собрание офицеров Экипажа выразило полное желание видеть моего внука в своей среде. Мне известно, что прикомандирование к Гвардейскому Экипажу может быть сделано Главным морским штабом безусловно тогда, когда о таковом будет выражена воля Августейшим шефом Экипажа, Ее Императорским Величеством.

Не решаясь беспокоить Ее Величество, я обращаюсь к Вашему сиятельству с усердной просьбой взять на себя труд посодействовать успешному исходу моего желания. ...Тем более что он пока еще младший обер-офицер и своим прикомандированием ни у кого из других офицеров Экипажа не отнимет старшинства»[15].

Но и это ходатайство немедленного результата не дало. Поначалу мичман Семенов-Тян-Шанский был назначен на броненосец «Рюрик» вахтенным офицером, на котором совершил трехмесячный поход «во внутреннем и заграничном плавании»[16].

Аттестация по итогам плавания на «Рюрике» выглядела совершенно иначе: «15 августа 1910 г. Характера хорошего. Воспитан, дисциплинирован. Знает французский и немецкий языки. По-видимому, хороший офицер. К дальнейшей службе пригоден. В службе сего офицера не было обстоятельств, лишающих права на получение знака отличия беспорочной службы. Командир капитан 1-го ранга Угрюмов»[17].

После недолгой службы на линкоре «Император Павел I» мичман Семенов-Тян-Шанский был прикомандирован к Гвардейскому флотскому экипажу. Явился «в сей экипаж» 24 февраля 1911 г. с назначением на эскадренный миноносец «Украйна», на котором в должности вахтенного начальника и исполняющего должность старшего штурманского офицера совершил два длительных похода на Балтике.

13 марта 1912 г. Николай Дмитриевич был назначен на императорскую яхту «Штандарт» под командованием контр-адмирала И.И. Чагина и на следующий день в качестве вахтенного офицера отбыл «в плавание по Черному морю и за границей», которое длилось по 1 августа. Уже в конце этого плавания, когда «Штандарт» вернулся на Балтику, 22 июня 1912 г., произошла встреча Николая II и кайзера Германии Вильгельма II. Две императорские яхты,

«Штандарт» и «Гогенцоллерн», встали на якорь борт о борт в порту Ревеля. Свидания между императорами происходили на обеих яхтах. 30 июня 1912 г. в письме к матери Николай II писал: «Император Вильгельм гостил три дня, и все прошло вполне удачно. Он был чрезвычайно весел и приветлив... дал хорошие подарки детям и Алексею подарил много настольных игр... Он пригласил в последнее утро к себе на яхту, на закуску с шампанским всех офицеров «Штандарта». Этот прием продолжался полтора часа, после чего он рассказал мне, что наши офицеры выпили 60 бутылок его шампанского»[18].

Вот как начальник канцелярии Министерства Императорского двора А.А. Мосолов описывает атмосферу, царившую во время пребывания Николая II и его близких на императорской яхте: «Млад-

Мичман Н.Д. Семенов-Тян-Шанский (слева) на яхте «Штандарт». 1912 г. Архив семьи Семеновых-Тян-Шанских (г. Санкт-Петербург)

шие офицеры «Штандарта» мало-помалу присоединялись к играм великих княжон. Когда те выросли, игры превратились незаметно в целый ряд флиртов – конечно, вполне безобидных. Слово «флирт» я употребляю не в том вульгарном смысле, который ему теперь дают. Офицеров «Штандарта» лучше всего было сравнивать с пажами или рыцарями средневековья. Много раз эта молодежь потоком проносилась мимо меня, и никогда я не слышал ни одного слова, могущего вызвать нарекание. Во всяком случае, эти офицеры были чудесно вышколены... Сама государыня становилась общительной и веселой, как только она ступала на палубу «Штандарта». Императрица участвовала в играх детей и подолгу разговаривала с офицерами. Офицеры эти, очевидно, занимали очень привилегированное положение. Часть их каждый день приглашалась к высочайшему столу. Государь и его семья нередко принимали со своей стороны приглашение на чай в кают-компании... Офицеров выбирали на яхту с таким расчетом, чтобы они умели создавать атмосферу идиллии и сказки...»[19].

Подтверждение о романтических отношениях между младшими офицерами и дочерями императора мы находим и в переписке великой княгини Ольги Александровны. С легкой иронией она сообщает из Ольгино венценосному брату: «Твоя дочь Анастасия специально написала мне, чтобы сказать, что Семенов-Тян-Шаньский принадлежит ей, и я (великодушно) оставила ей ее грезы, чтобы не ссориться со своей младшей племянницей, притом и крестницей. Это было бы слишком скверно!»[20]. Как мы видим из переписки, представитель старой дворянской династии сразу же был отмечен особым вниманием младшей дочери императора и в переписке великой княгини Ольги Александровны именуется не иначе, как другом великой княжны. В одном из писем тетя интригующе сообщает княжне Анастасии, явно

играя на ее чувствах: «Ах! Я бы много могла тебе сказать о Семенове-Тян-Шанском – но ничего не скажу. Вот-с!»[21].

В письме великой княжне Татьяне Николаевне 5 июля 1912 года хозяйка Ольгино пишет: «Получила письмо от Сем[енова] Т[ян]-Ш[анского]. Очень милое. Я его еще зимой пригласила и очень надеюсь, что он приедет – но не знаю, когда вы его отпустите. Он тоже хочет приехать»[22]. И действительно, сразу же после окончания первого плавания на императорской яхте Николай Семенов-Тян-Шанский отправляется в воронежские владения великой княгини Ольги Александровны. 4 августа она пишет брату: «Прямо сейчас неожиданно получила телеграмму от друга Анастасии – Семенова Т[ян]-Ш[анского] из Козлова, сообщая, что будет здесь сегодня днем! Я так рада – потому, как приглашала его некоторое время назад, но не знала, когда он приедет... Милый мальчик. Он тебе нравится?»[23]. В следующем письме от 15 августа 1912 г. великая княгиня Ольга Александровна делится с Николаем II своими впечатлениями от пребывания Николая Семенова-Тян-Шанского в Ольгино. В частности, она пишет: «Я решительно грустна после отъезда Семенова Тянь-Шанского. Он был ужасно мил, и мы так прекрасно поладили, и нас обоих очень удивило, отчего мы так понравились друг другу, и чувствовали себя так, словно много лет дружим». Хозяйка Ольгино приводит и детали совместного времяпрепровождения. По вечерам Николай читал хозяйке повесть Сергея Атавы «Оскудение». Великая княгиня замечает: «Если ты не читал – прочти, потому что эта книга стоит того, чтобы читать ее вслух... Довольно замечательно, ну, а местами настолько убийственно, что мы смеялись до слез!»[24]. В один из дней Ольга Александровна с гостем посетили ее имение в Новоживотинном: «Я показала ему старую церковь, а потом мою ковровую фабрику, где маленькие девочки... сосредоточенно работают и делают очень

хорошие ковры, потом мы прошлись по саду, попробовали яблоки и груши...». Дальше она пишет: «Пока Семенов был здесь, мы трижды ходили на пикник – на целый день – за 20 верст отсюда и отдыхали на лоне природы. Однажды мы отправились на Дон на мое любимое место – откуда открывается такой вид! Все эти дурачки отправляются за границу, чтобы восхититься Швейцарией и всей остальной чепухой – да нигде такого не увидишь! Семенов сказал, что за границей все виды давно запатентованы и испорчены тем, что слишком много людей их наблюдали и восхищались ими – в то время как здесь – никому дела нет, и не восхищается никто – разве только я – раз или два в год! ...Мы испекли картошку и пообедали, а потом спускались с громадной высоты, чтобы помыть руки в Тихом Доне»[25].

1912 год был особенным для России. Это был год подготовки и празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г. От Гвардейского экипажа была отобрана специальная рота почетного караула, которая в начале августа 1912 г. со знаменами и музыкантами выехала на торжества в Бородино. В ее состав вошел и мичман Н.Д. Семенов-Тян-Шанский. В своем письме к великой княгине Ольге Александровне он пишет о том, что «подхватил тяжелую простуду и лежал один день с высокой температурой в избе, чувствуя себя больным и чужим в окружении палаток военного лагеря, а его разум был наполнен событиями 100-летней давности»[26]. 26 августа 1912 г. рота Гвардейского экипажа вместе с другими полками Российской императорской армии почтила парадом память своих предков, участников Отечественной войны 1812 г. Для Николая Дмитриевича это было вдвойне волнительно, ведь на Бородинском поле сражались два представителя его рода – прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка Петр Николаевич и его брат поручик Кексгольмского пехотного полка Александр Николаевич Семеновы. Первый из них

(прадед Николая) был за Бородино награжден Золотой шпагой с надписью «За храбрость», второй – орденом Св. Анны 4-й ст.[27]

В сентябре 1912 года мичман Семенов-Тян-Шанский был назначен на крейсер 1-го ранга «Олег» командиром судовой роты. великая княгиня Ольга Александровна пишет брату: «Семенов был прислан на «Олег», и я очень сожалею, что еще долго не увижу его...»[28]. Крейсер «Олег» входил в состав Практического отряда, специального соединения кораблей, сформированного для обучения гардемаринов. После русско-японской войны молодых специалистов морского дела готовили на новых и действующих кораблях вместо старых учебных. «Олег» ежегодно выходил в длительные морские походы. На этот раз плавание, сначала под командованием великого князя Кирилла Владимировича, затем капитана 1-го ранга П.Л. Трухачева, проходило ровно 8 месяцев – с 6 сентября 1912 г. по 6 мая 1913 г. Крейсер прошел по маршруту Кронштадт – Копенгаген – Стокгольм – Средиземное море – Кронштадт. Из похода Н.Д. Семенов-Тян-Шанский вернулся уже в чине лейтенанта и в должности вахтенного начальника.

Сразу по возвращении из похода, 7 мая 1913 г., он назначается на императорскую яхту «Полярная звезда», которой командует контр-адмирал князь С.С. Вяземский, и 28 мая отправляется «во внутреннее и заграничное плавание» с вдовствующей императрицей Марией Федоровной на борту. В архиве сохранился рапорт капитана крейсера «Олег» П.Л. Трухачева, в котором он 6 сентября сообщает в Главный Морской штаб: «Предназначенный в учебное плавание на вверенный мне крейсер лейтенант Семенов-Тян-Шанский в настоящее время находится в Копенгагене на императорской яхте «Полярная звезда», которая, вероятно, вернется в Россию только после ухода крейсера. Прошу поэтому распоряжения Главного Морского

Лейтенант Н.Д. Семенов-Тян-Шанский на яхте «Полярная звезда». Дарственная надпись: «Дорогому дяде Андрюше на добрую память о не всегда радивом крестнике. 1913 г. 29. IX». Фонд сохранения наследия П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. С.-Петербург)

штаба о своевременном истребовании лейтенанта Семенова-Тян-Шанского с императорской яхты «Полярная звезда».

При чем доношу, что Ее Императорское Величество Государыня императрица Мария Федоровна в настоящее время с яхты изволили переехать на берег, и на этом основании со стороны командира яхты к списанию лейтенанта Семенова-Тян-Шанского теперь же вероятно препятствий не встретится»[29].

В письме от 25 сентября великая княгиня Ольга Александровна из Ольгино пишет императору: «Семенов думает присоединиться к «Олегу», где, надеется, почувствует, что он работает и может принести некоторую пользу – он хочет приехать сюда на несколько дней до этого, если будет время – но, я предполагаю, что это не будет успешным»[30].

Предположение Ольги Александровны не оправдалось. Вскоре она пишет брату: «Семенов, милый мальчик – сделал сюр-

приз, приехав сюда на 2 с половиной дня – чтобы попрощаться перед своим долгим путешествием – он сказал, что не мог уехать, не повидав меня. Мы запланировали кое-что на будущую весну – если будем живы, конечно же – приехать сюда и провести здесь какое-то время. Здесь божественно в это время что-то чудесное во время разлива. Он довольно печален, что должен снова уехать надолго, но его служба ему интересна, слава Богу, и он хочет отдать столько себя, сколько хватит сил, своей службе. Милый мальчик»[31].

3 октября 1913 г. в должности вахтенного начальника крейсера «Олег» Николай Дмитриевич отправляется в трехмесячное плавание «во внутренних и заграничных водах» и возвращается на Балтику 31 декабря 1913 г. А с 11 июня 1914 г. он снова в плавании на «Полярной звезде». В это время начался визит английской эскадры адмирала Дэвида Битти, и императорская яхта была задействована в торжественных встречах союзников. 20 июня император на «Полярной звезде» провожал английскую эскадру. 1 июля обе императорские яхты с Николаем II и царской фамилией в сопровождении пяти эскадренных миноносцев уходят на излюбленное место стоянки – рейд Штандарт в финских шхерах, где простояли до 6 июля. На следующий день «Полярная звезда» принимает участие в торжественной встрече президента Франции Раймона Пуанкаре. Последний поход лейтенанта Н.Д. Семенова-Тян-Шанского на императорской яхте «Полярная звезда» завершается 20 июля 1914 г.[32]

18 июля 1914 г. Германия объявляет войну России, начинается Первая мировая война. Все императорские яхты, кроме «Александрии», были поставлены на береговое отопление, а офицеры и команды яхт отправлены в казармы. Было решено сформировать из состава Гвардейского экипажа два отдельных батальона, которые будут воевать на сухопутном фронте вместе с гвардией. Лейтенант Семе-

нов-Тян-Шанский 29.08.1914 г. назначается адъютантом 2-го батальона, но в ноябре пишет рапорт о переводе со штабной должности и направляется младшим офицером в 4-ю роту 2-го отдельного батальона Гвардейского экипажа. В конце августа 2-й батальон выступил в сухопутный поход и 1 сентября 1914 г. прибыл в Ковно. Моряки сразу получили боевое задание: захватить на реке Неман немецкие баржи, спустить их вниз по течению и затопить у местечка Средники, где был наведен понтонный мост для отступающих за Неман русских полков и беженцев. После этого 2-й батальон, на пароходах, обеспечивал охрану сообщений по Неману до немецкой границы. За одну из боевых операций 3 ноября 1914 г. лейтенант Семенов-Тян-Шанский удостоен ордена Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Зимой 1914-1915 гг. 2-й батальон вел боевые действия под Вышегродской крепостью. В марте 1915 г. батальоны Гвардейского экипажа были вызваны в Одессу для принятия участия в готовившемся десанте русских войск у пролива Босфор в Турции. Предполагалось, что Гвардейская морская пехота первой высадится на турецких берегах и займет плацдарм для дальнейшей высадки основных сил десанта. Здесь лейтенант Семенов-Тян-Шанский был переведен младшим офицером в 3-ю роту под командованием старшего лейтенанта Л.М. Кожевникова. В то же время с наступлением теплого периода и началом навигации на реке Неман возникла угроза безопасности крепости Ковно со стороны реки. Чтобы укрепить оборону крепости, 2-й батальон Гвардейского экипажа, в котором служил Николай Дмитриевич, в конце мая 1915 г. был переброшен под Ковно. Лейтенант Семенов-Тян-Шанский принимал активное участие в боевых действиях. 23 июня 1915 г. он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. А незадолго до награждения, 13 июля, Николай Дмитриевич был представлен к еще одной боевой

награде – ордену Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. В наградных документах мы читаем: «За разведку, произведенную с опасностью для жизни у деревни Сапежишки 1 июля 1915 г. и за мужество и распорядительность, проявленные во время взрыва костела Сапежишек, находящегося вблизи неприятельских окопов и служившего для неприятеля наблюдательным пунктом, под огнем неприятеля 4, 8, 11 и 13 июля 1915 г. 11 июля лейтенант Семенов-Тян-Шанский лично руководил операциями взрыва костела и выказал большую распорядительность под огнем противника». Там же зафиксирован и еще один боевой эпизод, в котором отличился Николай Дмитриевич: «Командуя взводом, составлявшим дозор роты во время разведки в лесу Азеретис, подошел с ними на 50 шагов к неприятельским окопам, когда рота возвращалась с разведки, увидя заходящего ей в тыл противника в количестве одного взвода, бросился со своим взводом на противника, который бежал и укрылся в лесу, в это время, попав неожиданно под сильный пулеметный перекрестный огонь противника, стрелявшего из пулеметов, находившихся укрытыми в лесу, с полным хладнокровием и мужеством вывел свой взвод из опасного положения, отбив все попытки неприятеля выйти из леса и атаковать роту, которая в это время медленно отступала и выходила из сферы пулеметного огня противника»[33]. Самое время вспомнить недальновидную характеристику капитана крейсера «Память Меркурия», в которой тот отказывает Н.Д. Семенову-Тян-Шанскому в наличии храбрости, самоотверженности и способности оценить положение в критические минуты...

В феврале 1916 г. морская пехота Гвардейского экипажа была выведена в резерв, где должна была находиться до конца мая. Но уже 30 марта 1916 г. для лейтенанта Н.Д. Семенова-Тян-Шанского возобновляется карьера морского офицера – он вместе с еще тремя сослу-

живцами старшими лейтенантами Л.М. Кожевниковым, Б.А. Нольде и лейтенантом Г.Н. Таубе был назначен на легендарный крейсер «Варяг» в должности вахтенного начальника[34]. Как известно, крейсер, после затопления в 1904 г. в Чемульпо, был поднят японцами, отремонтирован и служил в японском флоте с 1907-го по 1916 г. под именем «Soya». В начале 1916 г. Россией у Японии были выкуплены три корабля, в том числе и «Варяг». Крейсер был зачислен в Гвардейский экипаж. 9 марта 1916 г. эшелон с новым экипажем «Варяга» был отправлен во Владивосток. 26 марта корабли были переданы русским командам. На следующий день на крейсере были подняты Андреевский флаг и Георгиевский вымпел – знак принадлежности к Гвардейскому экипажу. Н.Д. Семенов-Тян-Шанский с 5 офицерами и 400 матросами прибыл во Владивосток 30 марта[35]. 18 июня 1916 г. отряд в составе линкора «Чесма» и крейсера «Варяг» убыл в дальний поход из Владивостока. Отряд проследовал по маршруту: Гон-Конг – Сингапур – о. Цейлон – Аден. Из Адена, пройдя Красным морем и Суэцким каналом, корабли отряда прибыли 7 сентября в Порт-Саид. Дальше «Варяг» продолжил переход в Александровск-на-Мурмане один. Весь остаток маршрута «Варяг» шел в полной боевой готовности – команда все время стояла у орудий. 16 октября крейсер прибыл в Глазго, где был специально подготовлен для плавания в холодных полярных широтах. 17 ноября 1916 г. «Варяг» вошел в порт Романовск, который расположен в Кольском заливе рядом с Мурманском. Всего «Варягом» было пройдено 15 864 мили. Офицеры корабля после 5-месячного похода получили отпуска. Сам корабль нуждался в капитальном ремонте, и было решено отправить «Варяг» в Англию, поскольку такого сложного ремонта в Мурманске сделать было нельзя.

25 февраля «Варяг» вышел из порта Романовск и прибыл в г. Биркенхед 4 марта 1917 г. В Англии среди матросов «Варяга» начались

волнения, и Временное правительство приняло решение об отправке части экипажа, призванного из запаса, в Мурманск, а также о командировании кадровых матросов и части офицеров в Америку для комплектования купленных там яхт. Лейтенант Семенов-Тян-Шанский и еще три офицера с «Варяга» были направлены в распоряжение представителя Морского ведомства в Лондоне[36].

В конце апреля 12 офицеров «Варяга», в том числе и Н.Д. Семенов-Тян-Шанский, отправились в Америку.

25 октября (7 ноября) 1917 г. в Петрограде была установлена Советская власть. Летом 1918 г. в России началась Гражданская война, и образовались две основные противоборствующие силы: «белая» и «красная». После революции лейтенант Н.Д. Семенов-Тян-Шанский находился в Белых войсках Северного фронта, с 20 августа 1919 г. – в резерве чинов Северной области. Последнее воинское звание – старший лейтенант. В 1919-1920 гг. находился в Архангельске в составе Северной армии генерала Миллера. После эвакуации из Архангельска в феврале 1920 г. жил в Англии[37]. Так, можно сказать, на взлете прервалась карьера молодого морского офицера, которого без сомнения ожидало блестящее будущее. В его послужном списке, кроме уже упомянутых боевых орденов Св. Анны 4-й и 3-й ст. и Св. Станислава 3-й ст., мы встречаем российские медали: в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. (1912), в память 300-летия царствования дома Романовых (1913), в память 200-летия морского сражения при Гангуте (1914), светло-бронзовую черногорскую юбилейную медаль (1910), серебряную медаль «За заслуги во время землетрясения в Калабрии и Сицилии» (Италия, 1911); ордена: Князя Даниила I 5-й ст. (Черногория, 1910), Филиппа Великодушного 5-й ст. (Гессен, 1912), орден Короны 4-го кл. (Пруссия, 1912), крест 2-го кл. ордена Меча (Швеция, 1912), крест Иерусалимского ордена Святого Гроба Господ-

Нина Петровна Барк (Семенова-Тян-Шанская) Оксфорд. Великобритания. 1920-е гг. Архив Музея-усадьбы П.П. Семенова-Тян-Шанского

ня (1913), офицерский крест ордена Черной звезды (Франция, 1914)[38].

Лейтенант российского флота Н.Д. Семенов-Тян-Шанский получил официальное разрешение британских властей на пребывание на территории Великобритании еще 12 февраля 1918 г. Здесь он познакомился с семьей последнего министра финансов Российской империи П.Л. Барка (1869–1937), поселившейся в Лондоне в 1920 г. В 1922 г. состоялась свадьба Николая Дмитриевича и Нины Петровны Барк. До этого Нина Петровна училась в Оксфорде, изучала политические науки. В 1923 г. у них родилась дочь – Мария. В 1924 г. семья Семеновых-Тян-Шанских перебирается во Францию. Поначалу они живут в Париже. Здесь на свет появляется мальчик, которого родители назвали в честь его знаменитого прадеда – Петром. Через некоторое время Николай Дмитриевич с семьей переселяется на юг Франции. Этот благодатный край издавна был облюбован русскими, а после революции многие из эмигрантов обосновались именно здесь. В марсельском порту нашли последний причал многие из русских кораблей, навсегда покинувших родину. Недалеко

от Марселя в местечке Обань был приобретен участок земли, на котором семья Николая Дмитриевича строит красивый дом и заводит ферму. Имение получает русское название «Петровка», французам оно известно как Сен-Пьер (Saint-Pierre Les Aubagne). Прежде чем заниматься неизвестным до этого времени делом, морской офицер Семенов-Тян-Шанский штудирует всю доступную ему сельскохозяйственную литературу и к ведению фермерского хозяйства подходит со всей основательностью. Главным направлением деятельности Николай Дмитриевич выбрал свиноводство. Была в Петровке и своя птицеферма. Элитные породы свиней и кур неоднократно получали награды на различных сельскохозяйственных выставках. В садах и огородах имения выращивались разнообразные фрукты и овощи, которые также поставлялись на местные рынки. Хозяева Петровки наравне с другими трудились на ферме. Можно представить, насколько сложно было выпускнице Оксфорда, дочке министра финансов привыкать к ежедневному и нелегкому сельскому труду. Ей собственноручно приходилось рубить головы курам, щипать перо... Нередко Николай Дмитриевич сам вы-

Дети Н.Д. Семенова-Тян-Шанского – Мария и Петр. Марсель. Франция. 1930-е гг. Архив Музея-усадьбы П.П. Семенова-Тян-Шанского

езжал на местный рынок со своей продукцией. Блестящий офицер и здесь выделялся своим внешним видом – за прилавком он появлялся в безупречном костюме и с обязательным галстуком-бабочкой.

В 1935 г. в семье появился третий ребенок – дочь София. Вокруг имения сформировалась довольно значительная русская диаспора. На ферме также работали русские эмигранты. В Петровке звучала в основном только русская речь. Интересно, что младшее поколение Семеновых-Тян-Шанских, родившееся в эмиграции, не знало французского языка до тех пор, пока детям не приходило время отправляться в школу. В Петровке была построена и православная церковь. Началось все с иконостаса, написанного известным русским художником, автором росписи храма-памятника на Куликовом поле Д.С. Стеллецким для поместья своих родителей вблизи Беловежской пущи. Художник передал этот иконостас русскому экспедиционному корпусу, действовавшему на территории Франции в годы Первой мировой войны. После окончания военных действий иконостас оказался в корабельной церкви транспорта «Цесаревич Георгий», принадлежавшего Русскому обществу пароходства и транспорта, ушедшему из России вместе с Черноморской эскадрой в 1923 г. Когда в 1927 г. корабль был в марсельском порту передан французским властям, митрополит Евлогий, глава Зарубежной Русской Православной Церкви, попросил Николая Дмитриевича Семенова-Тян-Шанского принять иконостас на хранение. Так в конце 1920-х в Петровке появился свой храм. Позже Н.Д. Семенов-Тян-Шанский познакомился с самим художником, который приезжал в Петровку и еще раз в 1939-1940 гг. полностью обновил живопись иконостаса. В это же время Стеллецким были написаны портреты семьи Николая Дмитриевича, которые сейчас хранятся у его потомков. А иконостас впоследствии Семеновыми-Тян-Шанскими был перевезен в

Николай Дмитриевич и Нина Петровна Семеновы-Тян-Шанские. Париж. 1970-е гг. Архив Музея-усадьбы П.П. Семенова-Тян-Шанского

пригород Парижа и находится в церкви Петра и Павла в местечке Шатне[39].

После Второй мировой войны во Франции интенсивно развиваются большие специализированные сельскохозяйственные предприятия, и небольшой ферме стало трудно конкурировать с ними. Да и возраст хозяев давал о себе знать. Петровка была продана, и Семеновы-Тян-Шанские перебираются в пригород Парижа Виней, где ими был выстроен новый добротный дом. Чтобы прокормить

семью, Николай Дмитриевич становится представителем винодельческой компании. В его обязанности входило распространение продукции в местных ресторанах и магазинах. На этом поприще он удачи не имел. Семья стала испытывать нужду. Частично были проданы сохранившиеся ценности. Одна из них – портсигар с факсимильными автографами членов семьи последнего русского императора – не так давно фигурировала на аукционе Christie's. Затем Семеновы-Тян-Шанские были вынуждены продать дом и перебраться в более скромный. Через некоторое время и это жилище было заменено на небольшую квартиру.

По словам внучки Николая Дмитриевича Ирины Петровны, французские власти предлагали тому принять французское подданство, и тогда перед ним вновь могла быть открыта карьера морского офицера. Но он считал, что, однажды дав присягу на верность своему Отечеству, не имеет права изменять своей клятве. Всю жизнь русский морской офицер Н.Д. Семенов-Тян-Шанский оставался верен царю и Отечеству. Он скончался 28 июня 1974 г. в Париже, а похоронен рядом с православным собором Святителя Николая Чудотворца в Ницце.

Дети Николая Дмитриевича с честью несли фамилию Семеновых-Тян-Шанских, будучи уже французскими гражданами. Мария Николаевна была врачом-терапевтом, София Николаевна работала во французском космическом центре, а Петр Николаевич стал известным ученым-палеонтологом с мировым именем, он сделал ряд открытий, благодаря которым можно более точно определить возраст Земли. Работал в экспедициях в Сахаре, в Австралии и в др. странах мира. Долгое время был старостой храма святых апостолов Петра и Павла в г. Шатне-Малабри, где находится ставший фамильным иконостас работы Стеллецкого[40].

Источники и литература

[1] «Дорогой мой, милый Ники!»: письма великой княгини Ольги Александровны к императору Николаю II/ сост., предисл. и примеч. Н.А. Комолова; пер. с англ. А.А. Козловой. Воронеж, 2021. – 224 с. Далее – Письма...

[2] О нем см.: Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский. Его жизнь и деятельность. Сб. статей по поводу столетия со дня его рождения / ред. А.А. Достоевский. – Л., 1928.; Чернявский В.И. П.П. Семенов-Тян-Шанский и его труды по географии. – М.: Географгиз, 1955.; Козлов И.В., Козлова А.В. Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский, 1827-1914. – М., 1991; Кавторин В.В. «Срединный путь» П.П. Семенова // Кавторин В.В. Петербургские интеллигенты. – СПб., 2001, и др.

[3] РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 22615.

[4] Письма... С. 89, 109.

[5] РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 4. Д. 75. Л. 81.

[6] РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 2208. Л. 41.

[7] РГА ВМФ. Ф. 432 Оп. 2. Д. 1911. Л. 7.

[8] Там же. Л. 12 об

[9] Там же. Л. 11 об.

[10] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 3790. Л. 4 об.

[11] РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 1911. Л. 12.

[12] Домбровский А.В. Русские моряки в Мессине в 1908 году // Гангутская победа и другие подвиги моряков и судов родного флота. Сб. рассказов. СПб., 1914. – С. 111-147.

[13] РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 17. Д. 171. Л. 2 об-3.

[14] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1353. Л. 2, 3.

[15] РГИА. Ф. 468. Оп. 17. Д. 1496. Л. 258-258 об.

[16] РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 4.Д. 75. Л. 81.

[17] РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 17.Д. 171. Л. 4.

[18] https://infoflotforum.ru/topic/22829-императорская-яхта-штандарт-до-и-после/Дата обращения: 16.10.2021.

[19] Мосолов А.А. При дворе последнего Российского императора: записки начальника канцелярии Министерства Императорского двора. Москва; Берлин, 2020. – С. 262-264.

[20] Письма... С. 28.

[21] ГАРФ. Ф. 683. Оп. 1. Д. 8. Л. 2 об. Предоставлен для публикации старшим научным сотрудником АУК ВО «ИКЦ «Дворцовый комплекс Ольденбургских» Н.А. Комоловым.

[22] ГАРФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 80. Л. 5-6 об. Предоставлен для публикации старшим научным сотрудником АУК ВО «ИКЦ «Дворцовый комплекс Ольденбургских» Н.А. Комоловым.

[23] Письма... С. 79.

[24] Письма... С. 80.

[25] Письма... С. 81

[26] Письма... С. 83

[27] Богданов А.А. От Рязанки до Парижа. Капитан лейб-гвардии Измайловского полка Н.П. Семенов – участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы XX Всероссийской научной конференции. Малоярославец, 2013. – С. 19.

[28] Письма... С. 89.

[29] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1567. Л. 58.

[30] Письма... С. 109.

[31] Письма... С. 113.

[32] РГА ВМФ. Ф. 935. Оп. 4. Д. 75. Л. 85 об.

[33] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3446. Л.96 об-97.

[34] Кокцинский И.М. Бронепалубный крейсер 1 ранга «Варяг». – М., 2019. С. 417.

[35] Таубе Г.Н. Описание действий Гвардейского экипажа на суше и на море в войну 1914-17 гг. // Морские записки. Нью-Йорк. № 3, 1944 г. – С. 195-228.

[36] Малышев Л.А. Морской Гвардейский экипаж. 300 лет. История и современность. СПб., 2011. – С. 268-271.

[37] Волков С.В. Офицеры Российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002. – С. 438.

[38] РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 3790 Л. 14 об.

[39] Семенов-Тян-Шанский К.П. Д.С. Стеллецкий // Хоругвь. М., 2004. Вып. 9. – С. 33.

[40] Информация о жизни Н.Д. Семенова-Тян-Шанского в эмиграции предоставлена его внучкой, доктором политологии, преподавателем университета Кан-Нижняя Нормандия Ириной Петровной Семеновой-Тян-Шанской-Байдиной (Irene Semenoff-Tian-Chansky-Baidine).

С.А. Гарчева

Ольденбургские и Рамонь в периодической печати Воронежской губернии 1899-1907 гг.

В сентябре 2021 г. автор данной статьи совершил командировку в отдел газет РГБ с целью поиска всей возможной информации о пожаре на Рамонском сахарном заводе и конфетной фабрике, ярко и красочно освещаемом в экспозиции цокольного этажа дворца «На благо Отечества». Мы имели в арсенале разрозненные факты из различных источников, однако точной и подтвержденной информации о пожаре, который мог нанести существенный ущерб имению Рамонь и привести к расстройству финансовых дел Евгении Максимилиановны Ольденбургской, у музея не было.

В процессе поиска была обнаружена и другая разноплановая информация об Ольденбургских, их деятельности в Воронеже, об имении Рамонь, а также о круге лиц, связанных с августейшими владельцами дворца. Именно поэтому в статье я хотела бы сделать акцент не только на пожаре и обстоятельствах, повлиявших на ухудшение благосостояние имения Рамонь, упоминание о которых удалось найти, но и на другие, не менее интересные факты, найденные в ходе работы.

Внимание было сосредоточено на периоде конца XIX – начала XX в. Предметом исследования стали общественно-политические и публицистические газеты «Воронежский телеграф» и «Дон» за соответствующий период.

Прежде чем представить факты, обнаруженные в обозначенных источниках, было бы логично дать краткое пояснение о содержании и характере периодических изданий.

«Воронежский телеграф» издавался в Воронеже с 1869 г., сначала дважды, а затем трижды в неделю. В поздний период существования газеты издание стало ежедневным. Редактором газеты в интересующее нас время являлся В.И. Исаев, уроженец Воронежской губернии, публицист умеренно-консервативного направления. Излагая свою программу, газета высказывалась, что, по ее мнению, «наша сила в земстве и городском самоуправлении»[1], а «залогом успешного решения всех вопросов общественной жизни» она считает «лучшую постановку учебного дела»[2]. С появлением в стране политических партий в ходе революционных событий 1905-1907 гг. газета «Воронежский телеграф» уделяла существенное внимание политическим делам, на страницах газеты учащается информация о думских дебатах, а также о заседаниях партии «Союза 17 октября», которую, вероятно, поддерживал и сам редактор. В газете освещались в основном местные проблемы социально-экономического характера и вопросы духовной жизни, народного образования, здравоохранения, городского благоустройства. Газета состояла из следующих колонок-разделов: телеграммы, местные известия и хроники, наука и литература, что нового в почте, торговая запись, по учебным делам, новости с фронта (если в этот период происходили военные действия при участии России) и так далее. Нередко можно было встретить критику местной власти и положения дел.

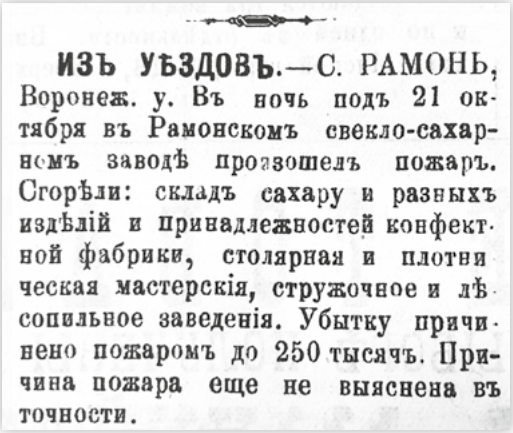
Общественно-политическая и публицистическая газета «Дон» издавалась с 1868-го по 1915 г. Редакторами выступала семья Веселовских. В целом, тематика газеты схожа с «Воронежским телеграфом», однако «Дон» уделяет больше внимания культурным вопросам. На

его страницах часто можно встретить фельетоны, статьи о театрах и культурной жизни как Воронежа, так и крупных городов империи.

Особого внимания заслуживает раздел «Местные известия и хроника», который и был интересен в контексте поиска информации о пожарах 1905-1907 гг.

Разумеется, пожары не были особенным явлением для Воронежской губернии как в XIX, так и начале XX века. В летне-осенний период не выходило практически ни одного номера, где бы не упоминались возгорания в разных уездах губернии. Затрагивали пожары и окрестности Рамони. Так, 18 июля 1905 г. днем недалеко от станции Рамонь загорелся казенный лес. Автор статьи К. Владимиров упоминает, что пожар в этой даче вспыхивает за сезон уже вторично, и подчеркивает, что первый пожар длился около 3 дней и унес около 250 десятин леса. Для борьбы с пожарами, по мнению автора, не проводится достаточных мер (меры ограничены «обычным перекапыванием», которое при больших пожарах эффекта не давало). В качестве причин называет неосторожность при устройстве костров в сухое время, а также, ссылаясь на мнение местных, искры от паровозов, идущих по Рамонской ветке, не имеющей заградительной сетки. В статье подчеркивается, что по обеим сторонам дороги наблюдается выжженный лес, что указывает на многочисленные пожары в данной местности[3].

Ключевым событием является лаконичное сообщение «Воронежского телеграфа» о пожаре на Рамонском свеклосахарном заводе в ночь на 21 октября. Перечислен примерный ущерб. Так, сгорели «склад сахара и разных изделий и принадлежностей конфетной фабрики, столярная и плотническая мастерские, стружочное и лесопильное заведения». Пожар нанес убыток до 250 тысяч рублей. Причина пожара, выделяет газета, еще не выяснена в точности[4]. Из данной заметки



ИЗЪ УѢЗДОВЪ.—С. РАМОНЬ, Воронеж. у. Въ ночь подъ 21 октября въ Рамонскомъ свекло-сахарномъ заводѣ произошелъ пожаръ. Сгорѣли: складъ сахару и разныхъ издѣлій и принадлежностей конфектной фабрики, столярная и плотническая мастерскія, стружочное и лѣсопильное заведенія. Убытку причинено пожаромъ до 250 тысячъ. Причина пожара еще не выяснена въ точности.

Пожар на заводе

интересно то, что действительно найдено упоминание о крупном пожаре, последствия которого могли привести к финансовым проблемам Евгении Максимилиановны, оказавшейся к концу 1906 – началу 1907 г. на грани банкротства. Обстоятельства пожара не сообщаются, однако фраза о том, что «причина пожара не выяснена в точности» заставляет быть уверенными в том, что причины выяснялись, а значит, открывает путь к дальнейшим исследованиям архивных документов, например, жандармских отчетов за этот период.

В конце ноября в той же газете появляется опровержение «слухов, о произошедших в Рамони беспорядках, выразившихся в сожжении и разорении сахарного завода, конфетной фабрики и частных квартир служащих»[5]. Опровержение исходит от главноуправляющего Рамонским имением, фабриками и заводами Евгении Максимилиановны, потомственного почетного гражданина Г.Э. Коха. Примечательно, что в заметке упоминается, что сообщения о погромах были напечатаны «во многих газетах». В газете «Дон» за этот период никакой информации не было. Значит, имеет смысл просмотреть информацию в других периодических изданиях, вплоть до Санкт-Петербургских ведомостей, а также в периодических изданиях Воронежской губернии. Г.Э. Кох сообщал, что беспорядки происхо-

дили повсеместно, но Рамони совершенно не коснулись. Все отрасли сельскохозяйственной и фабрично-заводской промышленности по-прежнему функционировали правильно. Мы не знаем, кто выступал источником информации газет, печатавших сообщения о беспорядках в Рамони: был ли это один информатор или разные. Если разные, то можно было бы сделать робкое предположение о том, что сообщения в газетах, скорее всего, объективно отразили ситуацию. К тому же пожар в Рамони случился именно в тот момент, когда в Воронеже начался еврейский погром, что, конечно, дает поводы думать о связи этих событий или хотя бы о том, что нестабильная обстановка в губернии в целом привела к брожению и росту преступлений и проступков повсеместно. Г.Э. Кох, дающий опровержение в газете, тоже источник ненадежный, являющийся лицом заинтересованным в создании позитивного ореола вокруг имения и собственной личности (на тот момент он являлся управляющим уже на протяжении 13 лет). С другой стороны, если бы в имении были явные беспорядки, вряд ли Г.Э. Кох мог бы справиться с ними своими силами, не привлекая стражей правопорядка и не обращаясь в соответствующие инстанции. В этом случае опровержение в газету было бы абсолютно ненужным.

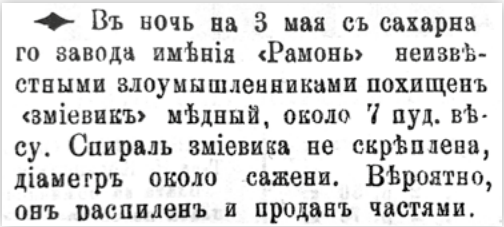
Ссылаясь на информацию о частых пожарах, можно предположить, что пожар в Рамони мог быть и следствием неосторожной случайности.

В следующем 1906 г. несколько раз появляются сообщения о мелких кражах на сахарном заводе. Так, в ночь на 3 мая неизвестными злоумышленниками был похищен медный змеевик, около 7 пудов весу, диаметром около сажени. Сообщается, что змеевик, скорее всего, был распилен и продан по частям[6].

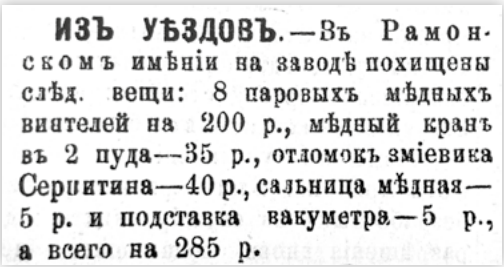
Чуть позже с завода были похищены 8 паровых медных винтелей на 200 руб., медный кран, отломок змеевика, медная сальница

и подставка вакуметра общим ущербом на 285 рублей[7]. Участившиеся кражи могут также быть свидетельством нестабильности в имении. Кражи могли совершать люди, которые отлично знали о том, что металлически ценного находится на заводе, то есть сами работники.

Спустя пару недель после этого в газете появляются сведения об аграрных волнениях в Рамони. Аграрные волнения в этот период охватили разные уезды Воронежской губернии, в том числе и Воронежский, где находилась Рамонь. В «Санкт-Петербургских ведомостях», ссылку на которые дает «Воронежский телеграф», сообщалось, что крестьяне установили высокую плату за полевые работы, а крупные экономии Ольденбургских, Чертковых и Веневитинова на эту плату согласия не дали и предпочли и вовсе не убирать полей. По полям была расставлена конная и пешая стража, охраняющая луга и нивы от крестьян, трава перерастала и гибла, хлеб осыпался и выветривался[8]. Одним словом, очевидцы передавали удручающую картину, ярко повествующую о кризисе в рамонской экономии.


Въ ночь на 3 мая съ сахарнаго завода имѣнія «Рамонь» неизвѣстными злоумышленниками похищенъ «змѣевикъ» мѣдный, около 7 пуд. вѣсу. Спираль змѣевика не скрѣплена, діамегръ около сажени. Вѣроятно, онъ распиленъ и проданъ частями.

Похищение змеевика

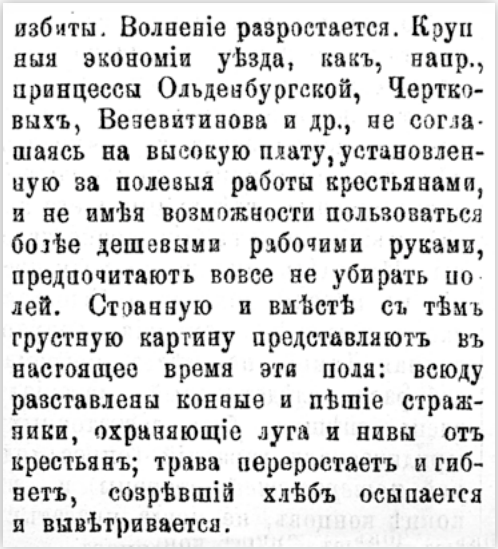

ИЗЪ УѢЗДОВЪ.—Въ Рамонскомъ имѣніи на заводѣ похищены слѣд. вещи: 8 паровыхъ мѣдныхъ винтелей на 200 р., мѣдный кранъ въ 2 пуда—35 р., отломокъ змѣевика Серпитина—40 р., сальница мѣдная—5 р. и подставка вакуметра—5 р., а всего на 285 р.

Кражи на заводе

Через короткое время в газете вновь появилось опровержение, которое дает В.Я. Мейер, помощник

главноуправляющего, то есть Г.Э. Коха. Он отмечает, что вышеотмеченные сведения о Рамони лживые и не имеют под собой никаких оснований. Упоминаются четыре газеты, разместившие на своих страницах эту информацию – «Санкт-Петербургские ведомости» и «Воронежский телеграф», «Воронежское слово» и «Дон». Реальная картина, с его слов, совершенно противоположна: крестьяне даже спорили о том, кто будет работать на полях, так как желающих было больше, чем необходимо[9]. Рожь и пшеница были убраны к 24 июня, то есть за 4 дня до появления статьи. Также В.Я. Мейер сообщает, что объездчики (конные) в имении действительно имелись, но их количества явно не хватило бы, чтобы стать для крестьян препятствием. Логика в словах В.Я. Мейера присутствует, однако все равно кажется странным, что информация просочилась в несколько изданий сразу и даже дошла до уровня Санкт-Петербурга. Немаловажно и то, что опровержение дает В.Я. Мейер, а не сам Г.Э. Кох как главноуправляющий.

В декабре 1906 г. Г.Э. Кох, по сообщению «Воронежского телеграфа», был смещен с должности и передал дела своему помощнику В.Я. Мейеру до прибытия нового главноуправляющего графа Татищева[10]. С огромной ве-

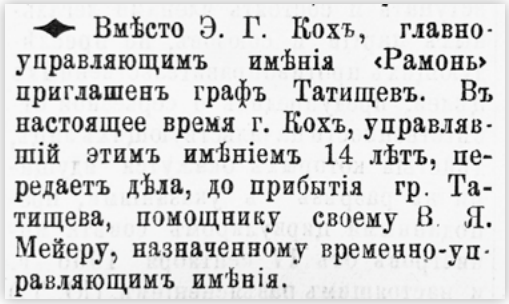

избиты. Волненіе разростается. Крупныя экономіи уѣзда, какъ, напр., принцессы Ольденбургской, Чертковыхъ, Безобразовой и др., не соглашаясь на высокую плату, установленную за полевыя работы крестьянами, и не имѣя возможности пользоваться болѣе дешевыми рабочими руками, предпочитаютъ вовсе не убирать полей. Странную и вмѣстѣ съ тѣмъ грустную картину представляютъ въ настоящее время эти поля: всюду разставлены конные и пѣшіе стражники, охраняющіе луга и нивы отъ крестьянъ; трава переростаетъ и гибнетъ, созрѣвшій хлѣбъ осыпается и вывѣтривается.

Волнения в Воронежской губернии

роятностью, решение о назначении нового управляющего связано с плачевным финансовым состоянием и грядущим банкротством имения, однако на основе имеющихся данных невозможно сделать вывода о том, что Г.Э. Кох причастен к поджогу, чтобы скрыть свои финансовые махинации, о чем часто можно услышать в среде обывателей.

В марте 1907 г. состоялось совещание великих князей и министров Двора, финансов, юстиции и главноуправляющего Уделами, о чем в своем дневнике упоминает великий князь Константин Константинович. Он выделяет, что Евгения Максимилиановна сделалась «жертвой управляющих Коха и Мейера», но в чем именно их вина – не отмечено.

Таким образом, можно прийти к выводу, что дела в имении Рамонь окончательно расстроились к концу 1906 г., судя по смене главноуправляющего. Еще с 1905 г. в периодике появляются негативные новости о состоянии дел в Рамони (пожары, кражи, волнения). Невозможно определенно точно сказать о том, что пожар, ущербом на 250 тысяч, в ночь на 21 октября 1905 г. стал причиной финансового краха на миллионы рублей, однако мог стать началом конца. Вплоть до 1905 г. Г.Э. Кох всегда показывал себя как талантливый управленец, о чем свидетельствуют сметы сахарного завода, строительство конфетной фабрики, расширение производства и многое другое. Однако за короткий период имение пришло в упа-



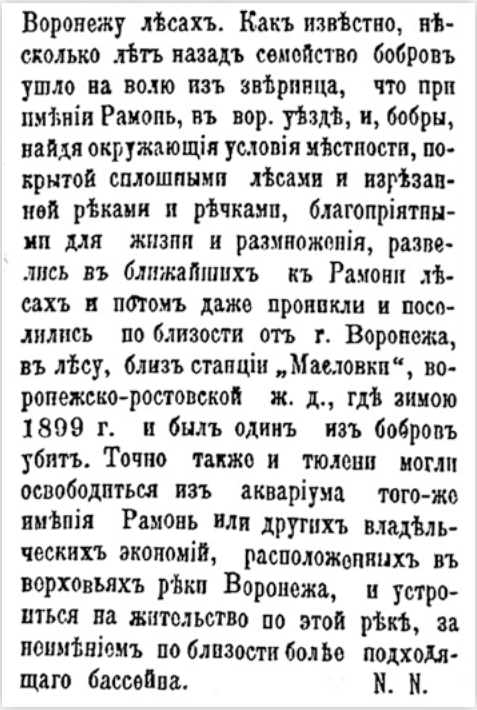
Вмѣсто Э. Г. Кохъ, главноуправляющимъ имѣнія «Рамонь» приглашенъ графъ Татищевъ. Въ настоящее время г. Кохъ, управлявшій этимъ имѣніемъ 14 лѣтъ, передаетъ дѣла, до прибытія гр. Татищева, помощнику своему В. Я. Мейеру, назначенному временно-управляющимъ имѣнія.

Смещение Г.Э. Коха

Рамонский свеклосахарный завод.
РГИА. Ф. 515. Оп. 87. Д. 1649. Л. 38

док, а великий князь Константин Константинович указывает в качестве причины расстройств именно действия Г.Э. Коха и В.Я. Мейера. Возможно, Г.Э. Кох действительно скрыл часть информации от владельцев Рамони, и аграрные волнения, о которых сообщалось в СМИ, затронули имение. В таком случае быстрый экономический коллапс имения объясним.

В ходе исследования, проведенного на основе изучения периодических материалов, мы получили несколько ответов и еще больше вопросов, касающихся состояния Рамони в начале XX века. На данный момент очень важно, что информация о пожарах и аграрных волнениях подтверждена сообщениями периодической печати и документами. Мы установили, что не стоит прямо связывать пожар на заводе и финансовые проблемы, а также открыли поле для



Воронежу лѣсахъ. Какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ назадъ семейство бобровъ ушло на волю изъ звѣринца, что при имѣніи Рамонь, въ вор. уѣздѣ, и, бобры, найдя окружающія условія мѣстности, покрытой сплошными лѣсами и изрѣзанной рѣками и рѣчками, благопріятными для жизни и размноженія, развелись въ ближайшихъ къ Рамони лѣсахъ и потомъ даже проникли и поселились по близости отъ г. Воронежа, въ лѣсу, близъ станціи „Маеловки“, воронежско-ростовской ж. д., гдѣ зимою 1899 г. и былъ одинъ изъ бобровъ убитъ. Точно также и тюлени могли освободиться изъ акваріума того-же имѣнія Рамонь или другихъ владѣльческихъ экономій, расположенныхъ въ верховьяхъ рѣки Воронежа, и устроиться на жительство по этой рѣкѣ, за неимѣніемъ по близости болѣе подходящаго бассейна.

N. N.

Заметки о тюленях

дальнейших исследований и поиска информации в архивах и библиотеках страны, расширив границы изученного.

Также хотелось бы обратить внимание на некоторую другую информацию, обнаруженную в ходе поиска, также являющуюся ценной и интересной для музея.

Так, например, было найдено сообщение о награждении врача рамонской лечебницы П.П. Хижина орденом св. Станислава 2-й степени[11]. Подобной информации прежде в арсенале музея не было. На базе новых данных представляется возможным глубже прояснить некоторые детали жизни и деятельности врача.

Была обнаружена информация о том, что Евгения Максимилиановна получила рескрипт государыни-императрицы Марии Федоровны о ее желании вверить Евгении Максимилиановне руководство по организации дела помощи Обществом Красного Креста на Дальнем Востоке, снаряжения и отправления врачей и сестер к месту событий. В распоряжение Евгении Максимилиановны был назначен лейб-хирург профессор Н.А. Вельяминов[12].

В газете «Дон» был найден интересный факт о предположительном нахождении тюленей в аквариуме имения Рамонь. Газета публикует данные о замеченных на берегу реки Воронеж тюленях. Предприимчивые люди не преминули возможностью убить одного из тюленей для изготовления чучела, которое было продано некому г. Гультгрену. Как и для нас, для редакции газеты подобный факт казался невероятным, но неоспоримое доказательство в виде чучела убедило редакцию и сделало возможным размещение заметки в газете. Автор статьи предполагает, что ситуация с тюленями, возможно, имеет ту же природу, что и ситуация с бобрами несколькими годами ранее: так, из зверинца при имении Рамонь ушло на волю семейство бобров, найдя условия для проживания по реке комфортными[13].

Источники

[1] Воронежский телеграф. – 1879. № 1.
[2] Там же. – 1880. № 1.
[3] Там же. – 1905. № 163.
[4] Там же. – 1905. № 246.
[5] Там же. – 1905. № 272.
[6] Там же. – 1906. № 107.
[7] Там же. – 1906. № 142.
[8] Там же. – 1906. № 149.
[9] Там же. – 1906. № 152.
[10] Там же. – 1906. № 279.
[11] Там же. – 1905. № 88.
[12] Дон. – 1900. № 82.
[13] Там же. – 1900. № 75.

А.В. Голованова

Роль Максимилиана Лейхтенбергского в создании убранства Исаакиевского собора

В 1858 г. в Санкт-Петербурге был торжественно открыт Исаакиевский собор — новый кафедральный храм столицы Российской империи. Строился он как памятник ее державному основателю и был освящен в честь небесного покровителя Петра Великого, святого Исаакия Далматского (день памяти святого совпадал с днем рождения русского царя — 30 мая по ст. ст.).

С самого начала строительства было определено, что храм-памятник первому императору должен служить воплощением мощи и величия государства. Для достижения этой цели из государственной казны выделялись немалые финансовые средства, привлекались лучшие творческие силы, использовались новейшие технологии. Так, одно из научно-технических достижений первой половины XIX века, гальванопластика, в промышленных масштабах была впервые применена в Исаакиевском соборе.

Метод, позволяющий получить точные металлические копии путем электролитического осаждения металла на металлическом или неметаллическом оригинале, был открыт русским ученым Борисом Семеновичем Якоби в 1837-38 гг. Вместе с Б.С. Якоби у истоков отечественной гальванопластики стоял Максимилиан Лейхтенбергский. Известно, что герцог профессионально занимался исследованиями в области прикладной электрохимии, именно он стал в России

пионером в области гальванографии. С помощью Б.С. Якоби Максимилиан Лейхтенбергский оборудовал небольшие мастерские в своих апартаментах в Зимнем дворце, а в середине 1840-х гг. по его инициативе и также при ближайшем участии Якоби на окраине Петербурга за Обводным каналом открылось первое промышленное гальванопластическое предприятие «Санкт-Петербургское гальванопластическое, литейное и художественной бронзы механическое заведение». Постройки завода включали в себя три протяженных корпуса, где находились железопрокатная мастерская, котельная, газгольдер, чугунолитейная, модельная, кузница. Рядом располагалась заводская слобода. До наших дней от заводских построек сохранились два корпуса, которые были надстроены в 1930-е гг.

Его Императорское Высочество герцог Максимилиан Лейхтенбергский. Русский художественный листок. № 36. 20 декабря 1852 г.

Именно здесь, на заводе Максимилиана Лейхтенбергского, были созданы скульптуры и барельефы для Эрмитажа, позолочены медные листы для куполов храма Христа Спасителя в Москве, а также почти все металлические элементы монументально-декоративного убранства интерьера нового столичного храма: статуи, гирлянды цветов и плоды, фигуры апостолов и ангелов, барельефы и головки

херувимов. При их производстве источниками тока служили гальванические элементы, сконструированные самим герцогом.

Барельефы и статуи значительных размеров для Исаакиевского собора изготавливались также и на других промышленных предприятиях города, в том числе на прекрасно зарекомендовавшем себя заводе Чарльза Берда и в мастерской барона Петра Клодта — там они отливались из бронзы. В основном эти скульптурные произведения, среди которых в первую очередь стоит отметить скульптурные барельефы фронтонов, которые являются украшением фасадов здания и были изготовлены чуть раньше, чем был основан завод герцога[1]. Но именно заводу Максимилиана Лейхтенбергского (не столько в силу его близости к императору, но в большей степени в силу рациональности предложенного метода) впоследствии и был поручен значительный объем работ.

В обязанности управляющего «заведением» герцога, Ивана Дюваля, входило не только исполнение работ, но и доставка, подъем и укрепление на своих местах всех бронзовых и гальванопластических деталей. Общий контракт был заключен на 42 пункта, в том числе на скульптурные группы Петра Клодта и Ивана Витали в большом иконостасе работы Николая Пименова, венчающие малые иконостасы наружную скульптуру аттика бронзовые надписи, капители и базы, балясины и полубалясины[2].

Следует отметить, что выполненная гальванопластическим способом скульптура, то есть полая внутри, оказалась относительно легкой по весу, что позволило в изобилии украсить своды и плафоны собора, значительно снизив при этом нагрузку конструкций верхней части. Убедительным примером использования подобного решения могут служить пятиметровые скульптуры апостолов в барабане купола.

Вместе с тем необходимо упомянуть, что большая часть позолотных работ в интерьере производилась также гальванопласти-

Скульптуры ангелов (ск. И.П. Витали) и изображения апостолов (худ. П.В. Басин) в барабане купола

ческим способом. На украшение интерьера было потрачено около 400 кг золота.

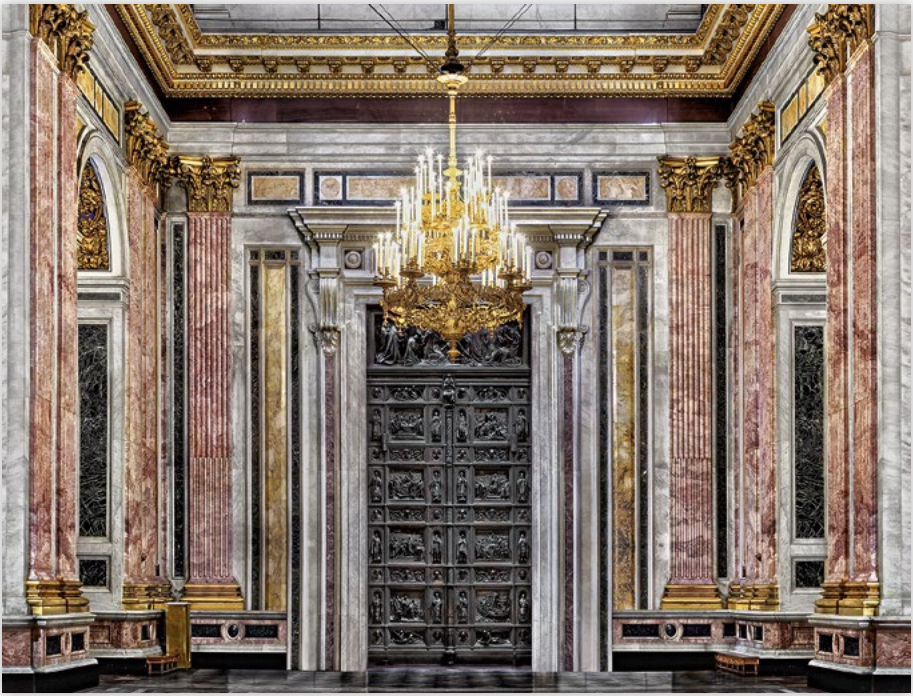
Отдельного внимания заслуживает скульптура больших внутренних дверей собора.

В связи с тем, что убранство на внутренних створках дверей сохранилось в полном объеме и не требовало ни воссоздания, ни реставрации, кроме поверхностной защитной обработки, полноценного его обследования в последние несколько десятилетий не проводилось. При этом ранее можно было встретить информацию, что двери были отлиты из бронзы на заводе Берда. Архивные же документы свидетельствуют, что барельефы дверей были исполнены в гальванопластическом заведении герцога[3]. При этом в контракте было составлено подробное описание работ. И если скульптура наружных дверей была именно от-

лита из бронзы, то оформление металлическим декором внутренних дверей оказалось намного сложнее. Для внутренних дверей из бронзы отлиты: фоны, рамы, карнизы, плинтуса, ниши (цельные или состоящие из отдельных деталей) и все прочие части дверей (даже античные гвозди). А вот скульптурные композиции в кессонах, фигуры в нишах и бюсты в медальонах выполнены гальванопластическим способом, цельные, без спайки. Вместе с тем, несмотря на детальное описание контракта, без полноценного натурного физико-химического исследования однозначно определить технику металлического декора внутренних дверей не представляется корректным.

К тому же, несмотря на применение облегченной гальванопластической скульптуры, вес створок внутренних дверей оказался довольно внушительным — порядка десяти тонн при их площади в 42 квадратных метра. Без специальных механических приспособлений открывать двери с таким весом позволяют специальные поворотные устройства, сконструированные архитектором собора Огюстом Монферраном.

Композицию дверей Монферран заимствовал у итальянского мастера эпохи Возрождения Лоренцо Гиберти, выполнившего «золотые двери» флорентийского баптистерия. При этом рельефы сделаны более объемными, особенно фигуры первого плана — они решены почти в круглой скульптуре. Каждая створка разделена на четыре кессона с композициями на различные сюжеты, отражающие три этапа истории христианства. Так, южные врата в интерьере Исаакиевского собора посвящены истории святых, живших на территории России с X по XVIII век. Четыре больших рельефа правой створки созданы на сюжеты жития святого благоверного князя Александра Невского, чей 800-летний юбилей, согласно указу президента, Россия торжественно отмечает в 2021 г. Три ре-



Скульптурное убранство южных врат (ск. И.П. Витали)

льефа повествуют о земной жизни князя, где изображенные сцены подчеркивают его силу, мудрость и благочестие. Четвертый сюжет иллюстрирует событие петровских времен, которому придавалось большое государственное значение — перенос мощей святого Александра Невского в новую столицу Российской империи — Санкт-Петербург.

Его Императорское Высочество Максимилиан Лейхтенбергский 19 апреля 1843 г. был назначен президентом Императорской Академии

художеств, а спустя месяц, 26 мая (и до своей смерти в 1853 г.), — членом Комиссии по строительству Исаакиевского собора[4].

Здесь необходимо несколько слов сказать о значении самой Комиссии. На протяжении сорока с лишним лет своей работы (собор строился с 1818-го по 1858 г.) Комиссия была важной административной структурой, представлявшей интересы заказчика, т.е. российского государства; она управляла огромным количеством самых разных работ по возведению и эксплуатации уникального здания, контролировала их финансирование и исполнение. Высокий должностной и общественный статус членов Комиссии, их компетентность и полномочия в значительной степени способствовали успешному завершению строительных и отделочных работ, налаживанию грамотной технической эксплуатации здания, поддержанию его нормального состояния в дальнейшем[5].

Роль Максимилиана Лейхтенбергского в этом сложном процессе еще окончательно не выявлена. В некоторых источниках можно встретить упоминание о том, что герцог был председателем Комиссии. Документами из Российского государственного исторического архива подтверждается, что в этот период председателем Комиссии был светлейший князь Петр Михайлович Волконский[6]. Герцог же возглавлял одно из двух подразделений этой структуры — «искусственную», или художественную, часть (была еще техническая), и только во время отсутствия Волконского он исполнял обязанности председательствующего. Последние годы жизни герцог достаточно продолжительно отсутствовал, его поездки длились от трех до шести месяцев. А в начале 1840-х гг., когда собор был вчерне отстроен, и начались работы по оформлению его внутреннего пространства, Максимилиан Лейхтенбергский как президент Академии художеств сыграл большую роль в привлечении выдающихся мастеров (впрочем, так же как и его тесть,

Николай I. Именно на период правления Николая I пришелся основной этап строительных работ по Исаакиевскому собору: император лично осматривал строительную площадку, вникал в сметы, утверждал чертежи и рисунки.

Иконостас придела святого Александра Невского с мозаиками по эскизам Н.А. Майкова

В качестве примера деятельного участия герцога в судьбах художников можно привести его приглашение к созданию монументального убранства собора Николая Аполлоновича Майкова. По протекции Лейхтенбергского Майков был привлечен к написанию живописных икон в иконостасе придела св. Александра Невского и росписей плафонов Исаакиевского собора. Герцог лично показывал эскизы Майкова императору, после чего сам известил художника о том, что они высочайше утверждены. И только из письма Майкова об этом узнал главный архитектор собора Огюст Монферран.

Со строительством Исаакиевского собора можно также отчасти соотнести строительство Мариинского дворца. Собственный дом для любимой супруги Максимилиана Лейхтенбергского, великой княгини Марии Николаевны, император повелел построить прямо напротив собора. Работа была поручена архитектору Андрею Штакеншнейдеру.

Вид на главный иконостас

А.И. Штакеншнейдер был учеником Монферрана, несколько лет работал под его руководством рисовальщиком в чертежной мастерской Комитета строений и гидравлических работ, а также при Комиссии по строительству Исаакиевского собора. Собор в те годы был отстроен вчерне, картоны были утверждены, и художники приступали к оформлению монументального убранства. Герцог, как президент Академии и как член Комиссии по художественной части часто бывал в соборе и осматривал работы выдающихся мастеров, среди которых К.П. Брюллов, П.В. Басин, Н.А. Бруни, Т.А. Нефф и многие другие.

Именно в это время был заключен контракт с «великим Карлом». Творчество Карла Павловича Брюллова удивительно многообразно:

Подкупольное пространство собора. Роспись плафона «Богоматерь в окружении святых» (худ. К.П. Брюллов, П.В. Басин)

историческая живопись, портрет, пейзаж. Его дарование в области монументальной живописи наиболее полно проявилось в росписях Исаакиевского собора. Брюллову были поручены самые ответственные участки: купол и подкупольное пространство (фигуры четырех евангелистов в парусах, двенадцати апостолов в барабане и четыре композиции в аттике пилонов).

В коллекциях Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» и Государственного Русского музея сохранились рисунки и эскизы к росписям: несколько сотен различных подготовительных набросков для фигур, голов, драпировок заполняют альбомы художника.

Монументально-декоративное убранство свода арки северо-восточной части собора

Плафон Исаакиевского собора грандиозен по своим размерам — его площадь 816 кв. м. Сюжет росписи — молящаяся Богоматерь с предстоящими Иоанном Крестителем и Иоанном Богословом в окружении святых покровителей Дома Романовых. Смысловым центром композиции является скульптура белого голубя — символ Святого Духа.

Учитывая размеры и сферическую поверхность купола, Брюллов использовал круговую композицию, оставив широкие просветы фона, создающего эффект напоенного солнцем небесного свода. Даже в пасмурную погоду купол, кажется, наполнен мягким светом. Фигуры главных персонажей даны в сложных ракурсах так же, как группы парящих у облаков ангелов. Живописная балюстрада иллюзорно связывает плафон с архитектурными формами барабана купола. Яркое и в то же время изысканное цветовое решение делает роспись Брюллова доминантой всех монументально-декоративных произведений храма.

Роспись в куполе Исаакиевского собора — одно из последних творений Карла Павловича на родине. Здоровье мастера было подорвано (специально оборудованная застекленная мастерская, устроенная под куполом собора, не спасла художника от сквозняков и сырости). Он успел выполнить только основные фигуры.

Небесный свод и облака, апостолов в барабане купола и композиции на сюжеты «Страстей Христовых» завершил по его картонам другой выдающийся художник – Петр Васильевич Басин. Брюллов, не окончив работу, уезжает для лечения в Италию, где скончается в 1852 г. В том же году, пережив на три месяца «великого Карла», скончается и Максимилиан Лейхтенбергский, оставивший после себя память как о крупном ученом, видном государственном и военном деятеле, коллекционере, первом предпринимателе в императорской семье и меценате. Память о нем хранят и сам Исаакиевский собор с его неповторимым уникальным убранством, и музей, созданный в стенах этого уникального архитектурного памятника.

Источники и литература

[1] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1238. Об утверждении бронзовых и гальванопластических работ снаружи и внутри собора. 1846 г.

[2] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1552. О производстве всех бронзовых и гальванопластических работ по украшению ИС и о заключении контракта с директором Гальванопластического заведения Дювалем 21 февраля 1850 года и платежах. 1850 г.

[3] Там же.

[4] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1179. О бытии Его Императорского Высочества герцога Максимилиана Лейхтенбергского членом Комиссии по художественной части. 1843 г.

[5] См. подробнее о работе Комиссии: Голованова А.В. Комиссия по строительству Исаакиевского собора: новые факты // Сб. науч. ст. Межд. н.-п. конференции «200 лет начала строительства Исаакиевского собора» (Кафедра. Вып. XXII) /Сост. Э.А Филиппова. В 2-х т. Т. 1. – Санкт-Петербург: Политехника-Принт, 2018. С. 66-84.

[6] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1037. О бытии министру Императорского Двора князю Петру Михайловичу Волконскому председателем, а генерал-адъютанту графу Левашеву членом комиссии. 1839 г.

Е.А. Снеговская

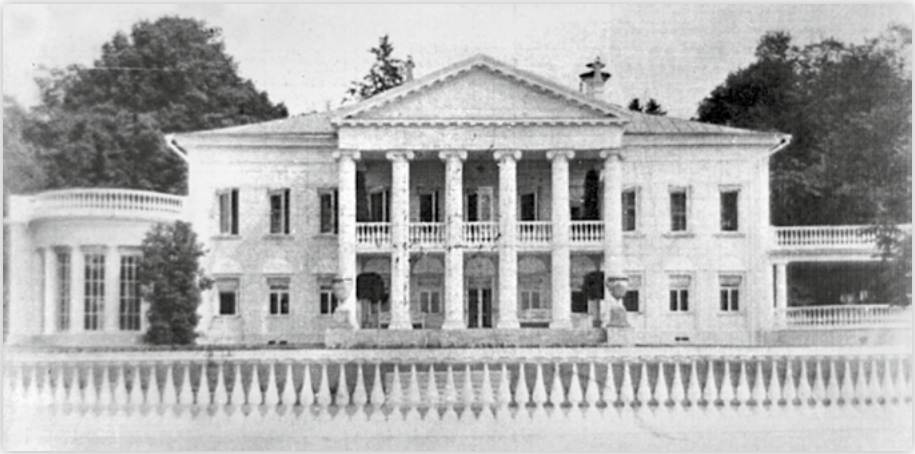
«Образцовое хозяйство»: от З.Г. Морозовой-Рейнбот – к коммуне

Изучением «Морозовского» хозяйственного комплекса в Горках до и после революции уже занимался ряд исследователей[1]. Данной работой автору хотелось дополнить имеющиеся результаты исследований коллег, а также провести расширенный анализ исторических событий, связанных с приспособлением сельскохозяйственных ферм в усадьбах Морозовой под нужды советского общества после революции.

Последние исследования, проведенные в Центральном государственном архиве Московской области, позволяют взглянуть на вопрос комплексно, проследить взаимосвязь между событиями 1918 г. в «Морозовских» усадьбах: «Горки» и «Покровское-Рубцово».

Зинаида Григорьевна Морозова-Рейнбот (Резвая), вдова известного российского предпринимателя, мецената Саввы Тимофеевича Морозова, унаследовала баснословное богатство после трагической гибели мужа. На 1 марта 1914 г. счет ее генерального баланса насчитывал 4 419 384 руб. 55 коп. «чистого капитала» и недвижимого имущества на сумму 263 938 руб. 58 коп.[2] Если с особняком на Спиридоновке она предпочла расстаться спустя непродолжительное время после смерти Саввы Тимофеевича, то загородную усадьбу Покровское-Рубцово она передала повзрослевшему и женившемуся сыну, Тимофею Саввичу Морозову.

К 1914 г. Зинаида, будучи в третьем браке с бывшим московским градоначальником Анатолием Анатольевичем Рейнботом, уже явля-



Большой дом усадьбы Горки. Фото 1910-е гг.
Источник: собрание Музея-заповедника «Горки Ленинские»

лась владелицей усадьбы Горки, которую приобрела в 1909 г. у купцов Герасимовых.

Нелишним будет отметить, что усадьбу Горки она покупала в надеже на обретение покоя в отдалении от большого города. Вокруг ее мужа, почти сразу же после тайного венчания в 1907 г., разразился громкий коррупционный скандал, к которому Зинаида была не готова. Брак, заключенный с генералом Рейнботом, для вдовы купеческой был возможностью подняться еще на одну ступень вверх по социальной лестнице, получив московское дворянство. После отстранения мужа от должности, по воспоминаниям Ю.А. Бахрушина, Зинаида Григорьевна «отстав от своих и не пристав к чужим, почти окончательно порвала с московским купечеством»[3].

Тем не менее имя, урожденной Зиновии Зиминой, а в замужестве Зинаиды Григорьевны Рейнбот (с 1914 г. Резвая), все же пополнило

родословную книгу дворянства Московской губернии в 1912 г.[4] Как и полагается представителю дворянства, она решила реализовать себя в качестве успешной помещицы.

В этот период заканчиваются работы по обустройству архитектурно-паркового ансамбля в Горках под руководством русского зодчего Ф.О. Шехтеля и архитектора Ф.Н. Кольбе. По желанию землевладелицы были сконструированы оранжерейный комплекс, скотный двор, конюшня и прочие хозяйственные постройки, оснащенные самым современным оборудованием, доступным на рынке. К 1917 г. приусадебное хозяйство представляло собой перспективную передовую ферму.

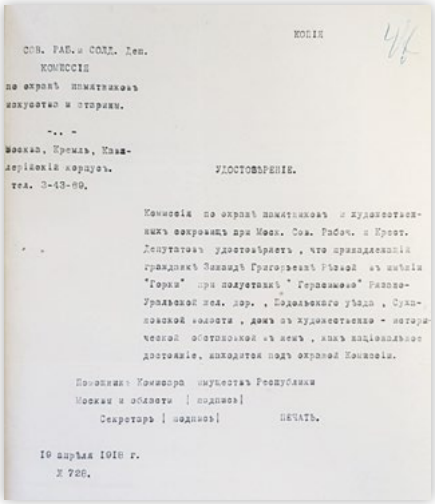
Данное исследование позволит подробнее взглянуть на хозяйственные комплексы семьи в первые годы после революционных событий, рассмотреть перепрофилирование некогда образцовых загородных поместий под нужды бесклассового общества.

Усадьба Горки была национализирована 10 марта 1918 г. Ведомость о передаче частновладельческого имения государству подписал представитель Зинаиды Григорьевны – Роберт Зондовский, который исполнял обязанности управляющего имением. Уже в апреле Зинаида Григорьевна добивается приезда в усадьбу Комиссии по охране памятников и художественных сокровищ при Московском совете рабочих и крестьянских депутатов, которая в удостоверении № 728 утверждала, что «принадлежащий гражданке Зинаиде Григорьевне Резвой в имении «Горки» при полустанке «Герасимово» Рязано-Уральской жел. Дор., Подольского уезда, Сухановской волости, дом с художественно-исторической обстановкой в нем, как национальное достояние, находится под охраной Комиссии»[5].

Несмотря на это, в июне 1918 г. на имя управляющего имением Горки приходит несколько запросов от Земельного отдела Подольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов об отпу-

ске мебели из дома для нужд Подольского совета. Таким образом из господского дома было вывезено значительное количество диванов, стульев, письменных столов, кроватей и т.д.[6]

18 июня 1918 г. Московским губернским комиссариатом земледелия в Горки командируется агроном, член Сухановского волостного земельного отдела Григорий Николаевич Колобашкин для осмотра имения, определения ценности молочного скота в хозяйстве, а также для установления площади земли, необходимой для обслуживания хозяйства[7]. В условиях разрухи послереволюционного и послевоенного времени Губернский комиссариат земледелия в свое ведомство отбирал наиболее перспективные экономии для дальнейшего использования, организации совхозов. Всего в списке советских сельскохозяйственных ферм, принятых в ведение Московского губернского земельного комиссариата, числится 251 имение[8].



КОПІЯ

СОВ. РАБ. и СОЛД. Деп.
КОМИССІИ
по охранѣ памятниковъ
искусства и старины.

-.. -
Москва, Кремль, Кавалерійскій корпусъ.
тел. 3-43-69.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Комиссія по охранѣ памятниковъ и художественныхъ сокровищъ при Моск. Сов. Рабоч. и Крест. Депутатовъ удостовѣряетъ, что принадлежавшій гражданинъ Леонидъ Григорьевичъ Резвой съ имѣнія "Горки" при полустанкѣ "Германовка" Рязано-Уральской жел. дор., Подольскаго уѣзда, Сухановской волости, домъ съ художественно - исторической обстановкой въ немъ, какъ національное достояніе, находится подъ охраной Комиссіи.

Помощникъ Комиссара имуществъ Республики
Москвы и области [подпись]
Секретарь [подпись] ПЕЧАТЬ.

19 апрѣля 1918 г.
№ 726.

Удостоверение З.Г. Резвой о взятии ее дома в усадьбе Горки под государственную охрану. 1918 г. Центральный государственный архив Московской области. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 137. Л. 47

27 июня Колобашкин временно был назначен управляющим сельскохозяйственной фермой «Горки». В помощь агроному Колобашкину был назначен сельскохозяйственный техник Петр Степанович Мосолов, которому в кратчайшие сроки было поручено принять имение, составить точную опись такового, а также смету и план ведения хозяйства в имении[9].

В недельный срок имение было описано, комиссией был составлен акт, где отмечалось, что «осмотрев и обследовав имение «Горки» быв. Резвой Сухановской волости, Подольского уезда, Московской губернии постановили: признать имение «Горки», согласно инструкции Губернского Комиссариата земледелия о культурных хозяйствах <...> хозяйством культурным. Имение Горки имеет пахотной земли около 150 десятин и леса около 93 десятин, располагает всем необходимым оборудованием: с-х инвентарем живым и мертвым, ведется правильный 6-ти польный севооборот с великолепным оборудованием по последнему слову техники, скотным двором голов на 150, электрическим освещением, водопроводом, отоплением центральным, громадным барским домом, большими оранжереями и теплицами, всеми необходимыми службами, имеется большой фруктовый сад и огород и пр.»[10].

7 июля в поместье прибыла представитель Губернского комиссариата земледелия А.А. Мухина, которая в составе приемочной комиссии (Михальченко, Колобашкин, Буянов, Горчилин) составила акт обследования.

В описи птичника от 7 июля 1918 г. числятся 73 курицы, 7 петухов, 17 уток. В скотном дворе имелось 144 стойла для коров, отлично оборудованных, с автоматическими поилками, электрическим приводом для жмыходробилки. В хозяйстве числились 35 коров, один бык «Ярославец», 10 телят, 5 овец, 2 ягненка, 1 свинья. В помещении конюшни около 30 стойл, однако всего 8 рабочих лошадей и одна выездная[11].

В поместье имелись две двухскатные оранжереи по 30 аршин и одна односкатная на 70 аршин. Оранжереи имели 6 отделений, отапливаемых центральным отоплением и двумя котлами. Стекла в оранжерее, на момент приемки, были в исправности, но стеллажи, отмечала комиссия, требовали ремонта. Во всех оранжереях было проведено электричество, имелись водопровод, железные баки. Вы-

Фото имения. ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 137. Л. 47

ращивались следующие растения: цикламен – 1500 шт., хризантем – 2000 шт., гелиотропов – 500 шт., гортензий – 1500 шт., орхидей – 37 шт., роз ремонтантных – 600 шт., роз обыкновенных – 50 шт., 2 горшка – аралии, 2 горшка – розендры, 4 горшка – драцен, 3 – буксуса круглых, 155 растений, посаженных в кадках[12].

Парников имелось на 300 рам. В парниках, главным образом, выращивались овощи, преимущественно – рассада картофеля, огурцов, цветной капусты и земляники. Большое количество парников было занятно гелиотропами, цикламенами и гортензиями. Цветы – страстное увлечение Зинаиды Резвой, на их выращивание она выделяла огромные средства и ресурсы[13].

Сад, по составленному акту, стоял в запущенном виде, весной не был окопан и опрыскан. Очевидно, что преобразования хозяйства, предпринятые Резвой, продолжались до революции, не все, что было ею запланировано, она успела реализовать.

В машинном отделении располагались электрическая станция экономии, оснащенная новым оборудованием: нефтяными двигателями «Отто-Дейц 120 HPI» и «Горнсби I 20 H.P.I», водокачка и артезианский колодец. Для удобства рабочих З.Г. Резвой были построены баня и прачечная[14].

В это время в хозяйстве, согласно архивным данным, трудились 37 человек. Работникам полагались выплаты за переработку – 1 р. 50 коп./час, за работу в праздничные дни – 8 р. Кроме жалованья, каждому рабочему полагался 1 пуд (около 16,38 кг) муки в месяц, цельную можно было приобрести за 5 руб./пуд, по ½ ф. (около 0,25 кг) мяса по «действительной стоимости», по одной кружке молока бесплатно, далее каждая кружка стоимостью в 15 коп. Жилищным условиям в Горках могли позавидовать многие в 1918 г.: квартиры освещались электричеством, были отопление и водопровод. Комфорт устроила еще Зинаида Григорьевна для наемных рабочих в Горках. Многие из перечисленных работников трудились в хозяйстве еще в ее период владения[15].

Техническим прогрессом и другими удобствами имели возможность пользоваться представители Группы садоводов и огородников в составе 6 человек, проживающих в имении.

Группа садоводов и огородников была организована управляющим имением Зондовским 25 марта 1918 г., т.е. почти сразу же после национализации. Группа состояла из специалистов в области садоводства, членов «Центрального профессионального союза садоводов, огородников, служащих и работающих в садовых предприятиях». Архивные источники позволяют установить фамилии членов коммуны: Люля, Арман, Гринцус, Вегнер, Крюнин и главный коммунар – Зондовский. Латыши занимались цветоводством и садоводством у Зинаиды Григорьевны[16].

1 апреля 1918 г. состоялось заседание Сухановского земельного комитета, где было принято постановление «О сдаче земли коммуне Зон-

довского». Этим документом Земельный комитет передавал в пользование коммуны оранжереи, огород, площадь земли около р. Пахра. Члены коммуны получили право использовать водопровод, двух лошадей, плуг, а также остальные сельскохозяйственные инструменты фермы. За эти условия коммунары должны были платить комитету 50% от прибыли, вырученной с продажи урожая. Занималась группа садовыми и огородными насаждениями. Как писали члены группы в Губернский земельный комитет, в Горках они «решили создать культурно-показательное ведение садоводства, плодоводства и огородничества в пользу местного населения и приступили к работе, не находя ниоткуда средств, собравши свои последние скудные гроши»[17].

В июле группа обращалась в Комиссариат земледелия с заявлением-просьбой: не отказывать членам коммуны в пользовании продуктами наравне со служащими фермы, а также сообщала, что приемная комиссия Губземкома по предписанию выключила их из состава служащих и рабочих экономии, лишила права пользования продуктами, исходящими из экономии, заставила платить за молоко наравне с другими заказчиками.

В этом же документе члены коммуны просили принять меры против окрестных жителей ввиду расхищения ими овощей, выращиваемых группой.

В итоге между членами группы и Московским губернским комиссариатом был заключен проект о передаче земли под огород 3¾ десятин при имении Горки. Также в пользование членам коммуны передавались плодовый и ягодный сад, огород, оранжереи, 300 рам парников; лошадь с упряжью, инвентарь по сезону, возможность пользования водопроводом по мере надобности, а также электрическим освещением, согласно установленным порядкам в имении.

Производимые продукты продавались Группой садоводов в первую очередь гражданам местного населения по нормированным

ценам, установленным Московским областным продовольственным комитетом. Остаток продукции группа имела право вывозить «на сторону» и продавать по рыночным ценам. Служащим и рабочим экономии продукты продавали на 50% ниже рыночной цены.

Таким образом, Группе садоводов и огородников предоставлялась полная автономия действий в занимаемом ими садоводстве и земледелии.

Будучи управляющим имением, Роберт Зондовский обустроил быт членам коммуны самым лучшим образом.

Комиссия от Губернского комиссариата земледелия в июле подчеркивала прекрасные условия, созданные для рабочих в Горках. Не оставлены были без внимания и члены коммуны, которые под свою контору приспособили один из барских флигелей. Участники комиссии отмечали, что «прекрасный флигель занят управляющим имением, там же есть контора, флигель из 6 комнат и одной кухни. Комнаты светлые, большие, просторные, с хорошей обстановкой. Живут здесь управляющий имением Зондовский Роберт Мартынович, с женой Анастасией и мальчиком. Имеется у них прислуга. Живут там также Иван Вегнер с женой и Иоган Моля»[18].

Флигель, примыкающий к оранжереям, предназначавшийся ранее для квартиры садовника, также был занят членами группы садоводов: Грицус Александр, Арман с женой, Круклин с женой. Описана приличная обстановка со всеми удобствами.

Фамилии членов коммуны позже будут фигурировать в другом, организованном в Горках, совместном хозяйстве.

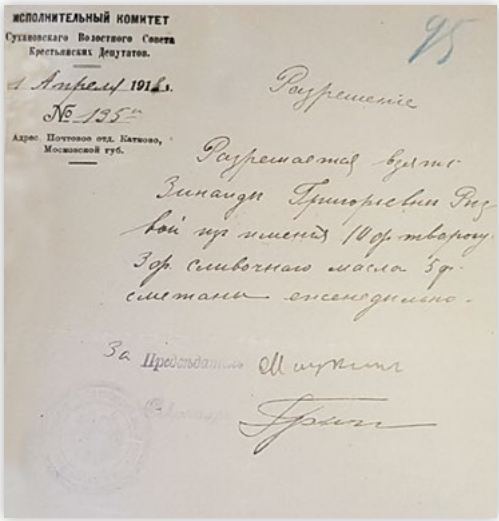
При сдаче фермерского хозяйства управляющим была передана кассовая книга и касса в 1000 рублей. В документах не лучшим образом были описаны расходы и доходы экономии с февраля до конца июня 1918 г. Отмечено, что статья, связанная с расходами, только частично имеет отчетные документы. Управляющий имением Зон-

довский объяснял это тем, что не знаком со счетоводством, однако отчеты в коммуне им велись точно и аккуратно[19].

Среди расходов присутствуют документы на выдачу продуктов Резвой. Интересно то, что бывшей владелице разрешалось брать продукты с фермы, на что имелись соответствующие документы. Согласно источнику, Зинаиде Григорьевне полагалось еженедельно отпускать: 14 ф. (около 6,4 кг) творога, 3 ф. (около 1,3 кг) сливочного масла, 5 ф. (около 2,3 кг) сметаны[20]. Только в мае Резвой были выданы продукты: творога 2 п. 16 ф., сметаны 1 п. 28-3/4 ф., сливочного масла 1 п. 12-1/4 ф., молока 9 бут., яиц 180 шт., 2 барана, 2 курицы, 2 утки, 1 мешок корнеплодов, 2 пуда ржаной муки. Документы подтверждают лояльность управляющего к бывшей хозяйке. Отношение служащих к самому управляющему Зондовскому тоже было неплохим, проведенный членами комиссии опрос показал, что претензий к нему со стороны работников нет.

В таком состоянии хозяйство было принято в ведение Московского губернского комиссариата земледелия. Судя по дальнейшим документам и отчетам, больших преобразований и успешного ведения экономии в течение лета и осени в Горках не было.

Группа садоводов, несмотря на то, что она состояла из шести профессиональных


ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Сутяновскаго Волостного Совета
Крестьянских Депутатов.

1 Апреля 1918 г.
№ 135

Адрес: Почтовое отд. Катково,
Московской губ.

95

Разрешение

Разрешается гр-ке
Зинаиде Григорьевне Рез-
вой из имения 10 ф. творогу
3 ф. сливочнаго масла 5 ф.
сметаны ежедневно.

За Председателя

Разрешение З.Г. Резвой на выдачу ей продуктов с фермы. 1918 г. ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 137. Л. 95

огородников-латышей, не смогла справиться с поставленной задачей, возможно, вследствие своей малочисленности и отсутствия финансирования.

Кроме того, по состоянию на 20 октября 1918 г. служащим было не выдано жалованье на сумму 44 626 руб. 05 коп. Группе садоводов не оплачивали труд в течение 4 месяцев, долг перед ними составлял 29 587 руб. 72 коп., остальным 37 рабочим не выплатили 15 038 руб. 33 коп.[21] Перерасход в имении был просто колоссальным за весь период. Имение всего за несколько месяцев пришло в запущенное состояние. На полях неубранными стояли кормовые: репа, свекла, нескошенные вика и ячмень. Во всем усадебном комплексе, где насчитывалось около 70 топок, «не было заготовлено и полена дров», пахать ничего не начато, зерновые продукты не смолочены, сельскохозяйственный инвентарь изношен и поломан. Кузнечная и столярные мастерские без инструментов, лошади сбитые, старые, негодные к работе. Стадо молочного скота смешанное, больное, без рационального ухода и кормления. Электрический двигатель сильно изношен. Рабочие помещения тесны, не ремонтированы, с разбитыми рамами и плохим отоплением. Сад не вычищен, не выбелен, не окопан, парники не вычищены, земля для парников не приготовлена. В экономии из рук вон плохо велись учет продуктов и бухгалтерия[22].

В таких условиях люди стихийно покидали свои рабочие места: сезонные работницы и рабочие в числе 14 человек уехали. Остались 7 садовников, 3 истопника, 1 староста, 1 скотовод, 1 управляющий, 2 конюха, 2 сторожа (один сторож больной, другому 83 года), 1 счетовод, 1 машинист с помощником, 3 полевых работника, 5 доильщиц, 1 пастух с помощником, 4 полевые работницы. Все эти рабочие по большей части «старые помещичьи служащие с «старой закваской»[23].

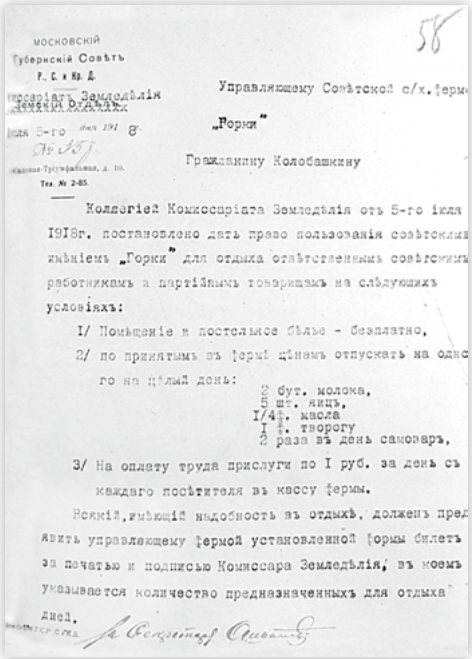
К этому моменту на базе усадебного комплекса уже был организован санаторий для партийных работников. Еще 5 июля 1918 г.

Колобашкин получил постановление от Коллегии Комиссариата земледелия «дать право пользования советским имением «Горки» для отдыха ответственным советским работникам и партийным товарищам»[24].

В сентябре 1918 г. в Горки впервые приехал отдыхать и лечиться после ранения В.И. Ленин. Рабочие запущенного имения воспользовались приездом вождя и выступили с инициативой организовать на базе совхоза коммуну, дав ей наименование в честь председателя Совнаркома. Ленин поддержал желание служащих.

Главный характеризующий коммунаров критерий заключается в том, что первое, за что они взялись с энтузиазмом, – опись имущества, находящегося в барском доме и флигелях. Документ получил название: «Опись инвентаря в коммуне Ленина», где не на самом высоком уровне описывались предметы усадебного быта: мебель, предметы декоративно-прикладного искусства, живопись, фарфор и т.д.

Основу коммуны им. Ленина вновь составили латыши, которые работали в хозяйстве еще при Резвой: Люля, Арман, Гринцус, Вегнер, Крюнин, Зондовский, Грассман, Канберг и т.д. Эти личности вызывают



МОСКОВСКІЙ
Губернскій Совѣтъ
Р. С. и Кр. Д.
Комиссаріатъ Земледѣлія
Земской отдѣлъ.

58

Управляющему Совѣтской с/х. ферм
„Горки"
Гражданину Колобашкину

Коллегіей Комиссаріата Земледѣлія отъ 5-го іюля 1918г. постановлено дать право пользованія совѣтскимъ имѣніемъ „Горки" для отдыха отвѣтственнымъ совѣтскимъ работникамъ и партійнымъ товарищамъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1/ Помѣщеніе и постельное бѣлье - безплатно,

2/ по принятымъ въ ферм цѣнамъ отпускать на одно го на цѣлый день:

2 бут. молока,
5 шт. яицъ,
1/4 ф. масла
1 ф. творогу
2 раза въ день самоваръ,

3/ На оплату труда прислуги по 1 руб. за день съ каждаго посѣтителя въ кассу фермы.

Всякій, имѣющій надобность въ отдыхѣ, долженъ предъявить управляющему фермой установленной формы билетъ за печатью и подписью Комиссара Земледѣлія, въ коемъ указывается количество предназначенныхъ для отдыха дней.

Постановление об использовании имения Горки в качестве дома отдыха. 1918 г. ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 137. Л. 58

огромный интерес, любопытна история их попадания на службу в поместье к Зинаиде Резвой. В некоторых документах их характеризуют как беженцев или как военнопленных.

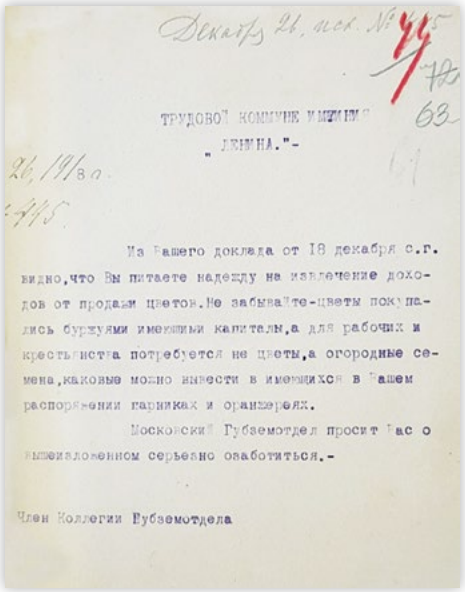
Стоит отметить, что начало XX века – очень продуктивное время для Латвии. Значимую роль в развитии латвийской экономики сыграл российский капитал. На деньги промышленников из России строились многие заводы Латвии. В начале XX века Рига была богатейшим городом Российской империи. Многие ученые также справедливо считают Ригу европейской столицей югендстиля, который черпал свое вдохновение в природе, растениях, цветах. Все это было крайне близко последней владелице усадьбы Горки.

Сельское хозяйство Лифляндии и Курляндии быстро набирало обороты в своем развитии, в больших масштабах использовалась новейшая сельскохозяйственная техника. В условиях быстрого роста развитых городов спрос на сельскохозяйственную продукцию стремительно рос, у фермеров появлялся внушительный рынок сбыта, что заставляло крестьян расширять производство[25]. В изданиях 1900-х гг. не раз отмечались успехи латвийских фермерских хозяйств. Русские, изучая основные технологии сельхозбизнеса в Латвии, знали об их основной проблеме – безземелье. Революция 1905-1907 гг., которая в этих местностях приняла необычайный масштаб, обострила вопрос нехватки природных ресурсов, что было замечено российскими властями. Возможно, появление в Горках латышей-беженцев связано с этой проблемой. Для З.Г. Резвой первоочередной задачей являлось наличие грамотных работников, знающих передовые технологии развития капиталистической фермы. Она подходила к вопросу организации фермерского хозяйства комплексно.

Необходимо отметить, что и В.И. Ленин был большим сторонником прибалтийских идей. Поддерживая образование коммун на базе

помещичьих экономий, он всячески рассчитывал на то, что передовые латыши смогут поставить коллективное хозяйство в Горках на высокий уровень.

Ожидания вождя не оправдались. Привыкшие работать по «старой схеме» садоводы большое внимание уделяли, в первую очередь, выращиванию цветов. 26 декабря 1918 г. от члена коллегии Губземотдела трудовой Коммуне им. Ленина пришло сообщение недвусмысленного содержания: «Из Вашего доклада от 18 декабря с.г. видно, что Вы питаете надежду на извлечение доходов от продажи цветов. Не забывайте – цветы покупались буржуями, имеющими капиталы, а для рабочих и крестьянства потребуются не цветы, а огородные семена, каковые можно вывести в имеющихся в Вашем распоряжении парниках и оранжереях. Московский Губземотдел просит Вас о вышеизложенном серьезно озаботиться»[26].



Декабрь 26, исх. № 445

ТРУДОВОЙ КОММУНЕ ИМЕНИМ
„ЛЕНИНА."-

26/XII 18 г.

Из Вашего доклада от 18 декабря с.г. видно, что Вы питаете надежду на извлечение доходов от продажи цветов. Не забывайте-цветы покупались буржуями имеющими капиталы, а для рабочих и крестьянства потребуется не цветы, а огородные семена, каковые можно вывести в имеющихся в Вашем распоряжении парниках и оранжереях.

Московский Губземотдел просит Вас о вышеизложенном серьезно озаботиться.-

Член Коллегии Губземотдела

О запрете извлекать доходы от продажи цветов. 1918 г. ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 164. Л. 63

В итоге ничего не произведшая коммуна, просуществовала всего несколько месяцев. Яркие воспоминания Т. Сапронова, опубликованные в журнале «Прожектор» в 1925 г., подчеркивают основной интерес коммунаров – усадебное имущество: «Случайно сюда попал инструктор Губземотдела, обследовал и сообщил: белье, находящееся в доме, где лечился тов. Ленин,

коммуна между собой распределила, часть мебели из дома забрали и распределили, коммуна обставила свои квартиры. Ковры, драпировки, посуду, серебро, мельхиор тоже распределили и несколько возов из совхоза вывезли в Прибалтику. Так кончила свое существование «коммуна» Горок, да хорошо, что еще спохватились, не все пропало»[27].

Тем не менее организованный в Горках санаторий, а также выбор усадьбы в качестве загородной резиденции для В.И. Ленина сыграли важную роль в сохранении усадебного ансамбля. Горки – одна из немногих усадеб Подмосковья, которой после революционных событий удалось сохранить как архитектурно-парковый ансамбль, так и внутреннее убранство господских строений.

Для Покровского-Рубцова сложилась менее благоприятная ситуация. После революции усадебный ансамбль, реконструированный Шехтелем, быстро приходил в упадок. Интерьеры барского дома, использовавшегося под разные нужды, не были сохранены. Здесь не отдыхали виднейшие члены партии после революции. Однако постоянными гостями Морозовых в конце XIX в. были: Поленов, Серов, Левитан, Чехов. Лояльность большевиков к последнему повлияла на организацию в Покровском Дома отдыха им. Чехова, но это случилось в 1950-е гг., когда от самобытности усадьбы осталось немногое.

Имение находилось в одной версте от станции Ново-Ирусалимская по Виндаво-Рыбинской железной дороге.

Покровское-Рубцово было принято в ведение Губернского земельного отдела 29 сентября 1918 г., т.е. хозяйство тоже представляло собой немалую ценность. Опись, составленная при приемке имения Покровское-Рубцово, бывш. Т.С. Морозова, гласит, что «главный корпус в настоящее время занят под госпиталь. Двухэтажный кирпичный дом 24х40 арш. В исправном виде с центральным отоплением, крыт железом»[28].

Как и в случае с хозяйством в Горках, в Покровском отмечался высокий уровень комфорта: отопление, водопровод, электрическое освещение.

Главный дом усадьбы Покровское-Рубцово. 1900-е гг. Источник: собрание Музея-заповедника «Горки Ленинские»

Удивительнее всего то, что в декабре 1918 г. управляющий В.К. Бобрик предпринимал попытки передачи экономии в управление представителю коммуны «Искра» А.И. Мильграву. Во время приема и сдачи хозяйства, представитель рабочего комитета Я.Ю. Готзон заявил, что он протестует против передачи фермы в управление коммуны по следующим причинам:

1. «т. Мильграв – председатель коммуны, помещающейся в том же хозяйстве, не в состоянии заведовать одновременно двумя хозяйствами вместе, так как хозяйство коммуны и хозяйство советское не разграничены между собой. Тов. Готзон, как представитель рабочего комитета, не может ввиду такого положения вещей контролировать правильность ведения советского хозяйства.

2. По совместному заявлению рабочих он, тов. Готзон, просит довести до сведения ближайшего заседания Коллегии Губземотдела, что т. Мильграв Андрей Иванович и т. Аболин Иван Андреевич, член той же коммуны, являются бывшими арендаторами земли у помещика Морозова в течение трех лет до Октябрьской революции. Кроме того, имеют свои усадьбы в Лифляндской губернии, обрабатываемые чужим трудом (наемным). Они не могут быть в коммуне,

а тем более быть в то же время управляющим, как то имеет место в данном случае от т. Мильграв»[29].

Этот документ значительно разъясняет наличие латышских рабочих в поместьях Морозовых. Не случайно ситуация с рабочими очень схожа в Горках и Покровском-Рубцове. Несмотря на то что Зинаида Григорьевна оставила вторую загородную усадьбу своему старшему сыну Тимофею, ее влияние прослеживается в организации хозяйства. В описи по приемке Покровского отмечается тот факт, что комплекс недавно отстроен, особое внимание приемочная комиссия уделяет оранжереям. В Горках «цветоводство было поставлено на первой очереди»[30], однако, ознакомившись с документами по Покровскому, можно утверждать об аналогично выстроенной системе и здесь. Список цветов в Покровском совпадает с Горками. Приведем полный список цветов в Покровском: аукуба японика, абутилон, аралия, аспарагус, аловине, агафантус, антиринус, амарилис, азалия, араукария, бегония Рекс, бегония Семперфлоренс, бавардия, буксус, зельвия, гелиотроп, камелия, алоэ, миртус, туя, хедера, фикус, куркулыга, юкка, декоративные травки, хибискус, гортензия, пеларгония, птерис Кристата, папоротник, цикламен, эппифиллум, примула, пальмы, цикас революта, филоденндрон, муза Энзета, квелиция, циприпериум, амарантум, стан-Опеа, евонимус, рододендрон, филокактус, фуксия, лаврус Нобилис, лаврус Целарус, драцена, хризантема, георгины, сирень, розы горшочные и в грунте[31].

Сама оранжерея представляла собой фонарь – 12х22 арш., а также два отделения: пальмовое – 24х9 арш. и персиковое – 12х18 арш. В фонаре имелись сени для дров, в сенях – оранжерейная топка. Стены фонаря кирпичные, крыша двухскатная стеклянная. В фонаре зимой располагались кадочные пальмовые растения, которые присутствовали и в оранжерейном фонаре в Горках. Пальмовое отделение, согласно описи, требовало ремонта.

В огороде была деревянная постройка 12х9 арш., крытая железом. В ней располагались 4 комнаты, занятые под квартиры садовников. Описываются и другие постройки хозяйственного назначения.

Огородом заведовал садовник Рудзит, который служил таковым при Тимофее Морозове. В документе указано, что в 1918 г. огороды обрабатывались латышами-беженцами на артельных началах, они использовали ссуду Огородного отдела Московского губернского земотдела[32].

Очевидно, что хозяйства до революции развивались по одному принципу, где особое внимание уделялось прогрессивному цветоводству, оснащенному всеми техническими новшествами, доступными на рынке. Основными рабочими в этой отрасли являлись латыши, однако военнопленными назвать их сложно ввиду вышеизложенных обстоятельств. Их условия труда до революции были очень хорошими, к тому же, судя по всему, у них была возможность арендовать земельные участки у владельцев под свои нужды. Подробности земельных отношений требуют дальнейшей исследовательской работы.

Можно предполагать, что Зинаида Григорьевна имела влияние на развитие экономии в усадьбе сына, развивая его в более приемлемом для себя направлении – цветоводстве. Имея значительные капиталы, она понимала, что баснословной прибыли в короткие сроки цветочное производство не принесет, однако, где бы З.Г. Резвая ни жила, она обустраивала оранжереи. Обширный круг великосветского знакомства обязывал придерживаться соответствующего социального уровня.

Резвая стремилась показать Горки большому количеству своих знакомых. В одном из писем она приглашала Книппер-Чехову к себе: «Милая Ольга Леонардовна! Узнала, что Вы в Москве, – буду рада, если соберетесь к нам в «Горки». Ехать по Рязано-Уральской до полустанка «Герасимовка». Шлю привет и надеюсь»[33].

Времени для мирного развития капиталистического фермерского хозяйства у помещицы было немного, если учесть то, что в 1913 г. комплекс в Горках находился на стадии строительства – до 1917 г. окупиться такое предприятие явно не могло. Возможно, цветоводство было капризом богатейшей женщины с претензией на будущую окупаемость. Для поддержания имиджа «деловой дамы» Зинаида Григорьевна участвовала в многочисленных выставках цветов, а также поставляла свою продукцию московским магазинам.

Тем не менее очевидная схожесть развития хозяйств в поместьях Зинаиды Григорьевны приводит к выводу, что она была сторонницей буржуазной аграрной эволюции, предпринимала попытки развития капиталистической передовой сельскохозяйственной фермы нового типа на базе двух семейных усадеб, используя крупные капиталы.

В условиях возрастающего влияния торгово-промышленного класса перед Первой мировой войной она считала важным вкладывать денежные средства в перспективную для себя отрасль, рентабельность которой можно было бы оценивать только спустя десятилетнюю деятельность в условиях мирного времени, однако таким ресурсом предприимчивая землевладелица не располагала.

Источники и литература

[1] Работы, посвященные развитию усадебного хозяйства в Горках:

Савнова Е.Н. Сельские усадьбы московских предпринимателей. Конец XIX-начало XX в. Е.Н. Савинова – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2008. – 408 с.

Шубина Т.В. Коммуна в Горках//Музейный сборник. Вып. 12. – М.: Гос. истор. заповедник «Горки Ленинские», 2009. – С. 11-23.

[2] РГАДА. Ф. 1615. Оп. 1 Д. 56. Л. 11.

[3] Бахрушин Ю.А. Воспоминания / Ю.А. Бахрушин. – М.: Художественная литература, 1994. С. 271.

[4] Савинова Е.Н. Сельские усадьбы московских предпринимателей. Конец XIX – начало XX в. Обретение «Дворянского гнезда»: имение «Горки» З.Г. Морозовой-

Рейнбот. Издательство Главного архивного управления города Москвы, М. – 2008 г. С. 269.

[5] ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 137. Л. 47.

[6] Там же. Л. 168-169.

[7] Там же. Л. 54.

[8] Там же. Л. 10.

[9] Там же. Л. 79.

[10] Там же.

[11] Там же. Оп. 1. Д. 137. Л. 72-76.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же. Оп. 1. Д. 137. Л. 80.

[16] Там же. Л. 116 об.

[17] Там же.

[18] Там же. Оп. 1. Д. 137. Л. 72-76.

[19] Там же.

[20] Там же. Оп. 1. Д. 137. Л. 95.

[21] Там же. Оп. 1. Д. 164. Л. 7.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 137. Л. 58.

[25] История Латвии. XX век. Рига, 2005 г. С. 37. Цит. по: А. Гурин. Рига в русском сознании. Электронный ресурс. URL.: https://www.russkije.lv/ru/pub/read/gurin-riga-in-the-russian-consciousness/a-gurin-chapt-10.html Дата последнего обращения: 30.09.3021 г.

[26] ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 164. Л. 63.

[27] Сапронов Т. Горки//Журнал «Прожектор». № 14(60) 1925. С. 15 URL.: https://electro.nekrasovka.ru/books/6152235/pages/14 Дата последнего обращения: 16.04.2021 г.

[28] ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 129. Л. 172.

[29] Там же. Л. 156.

[30] Там же. Оп. 1. Д. 164. Л. 12.

[31] Там же. Оп. 1. Д. 129. Л. 177.

[32] Там же Л. 171.

[33] Музей МХАТ. К-4. № 3876.

Сведения об авторах

Богданов Александр Александрович, научный сотрудник ОБУК «Музей-усадьба П.П. Семенова-Тян-Шанского», деревня Рязанка, Липецкая область

Гарчева София Александровна, магистр истории ВГУ, научный сотрудник АУК ВО «ИКЦ «Дворцовый комплекс Ольденбургских»

Голованова Анна Викторовна, кандидат культурологии, начальник научно-исследовательского отдела Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор»

Ерофеева Галина Игоревна, специалист отдела музейно-образовательных программ ГБУК г. Москвы ГМЗ «Царицыно»

Комолов Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, главный специалист отдела культурного наследия и технического контроля управления культуры администрации городского округа город Воронеж, старший научный сотрудник АУК ВО «ИКЦ «Дворцовый комплекс Ольденбургских»

Снеговская Евгения Алексеевна, главный научный сотрудник Музея-заповедника «Горки Ленинские»

СОДЕРЖАНИЕ

Комолов Н.А. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РАМОНСКОГО ИМЕНИЯ ПРИНЦЕССЫ Е.М. ОЛЬДЕНБУРГСКОЙ В НОЯБРЕ 1887 – ИЮЛЕ 1888 гг.: ПО ДАННЫМ ТЕЛЕГРАММ 3

Ерофеева Г.И. И.Н. КЛИНГЕН – ГЛАВНОУПРАВЛЯЮЩИЙ БРАСОВСКИМ И ДЕРЮГИНСКИМ ИМЕНИЯМИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА .. 23

Богданов А.А. «Я БЫ МНОГО МОГЛА ТЕБЕ СКАЗАТЬ О СЕМЕНОВЕ-ТЯН-ШАНСКОМ...» 56

Гарчева С.А. ОЛЬДЕНБУРГСКИЕ И РАМОНЬ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ 1899-1907 гг. 83

Голованова А.В. РОЛЬ МАКСИМИЛИАНА ЛЕЙХТЕНБЕРГСКОГО В СОЗДАНИИ УБРАНСТВА ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА 94

Снеговская Е.А. «ОБРАЗЦОВОЕ ХОЗЯЙСТВО»: ОТ З.Г. МОРОЗОВОЙ-РЕЙНБОТ – К КОММУНЕ 106

396020, Воронежская обл., пгт. Рамонь, ул. Мосина, 23 б
e-mail: ramon-dvorets@yandex.ru

Научное издание

VI ОЛЬДЕНБУРГСКИЕ ЧТЕНИЯ

Научный редактор Н.А. Комолов

Подписано в печать 01.09.2022 г.
Формат издания 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Octava.
Усл. печ. лист 7,44. Тираж 200 экз. Заказ № 278.

Отпечатано в полиграфическом центре «Пресс-Бургер»,
394053, г. Воронеж, ул. Генерала Лизюкова, 17«а»,
тел. (473) 300-30-10 (многоканальный)
e-mail: mail@press-burger.ru
www.burgerpress.ru